

Громова Ульяна

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Его НЕСВОЛЬНИЦА

ЧАРТЕР В ПРЕИСПОДНЮЮ

Ульяна Громова

**Его невольница, или
Чартер в преисподнюю**

«Автор»

2020

Громова У.

Его невольница, или Чартер в преисподнюю / У. Громова —
«Автор», 2020

Устраиваясь на работу в туристическое бюро заграничным экскурсоводом, даже подумать не могла, что вояжи в Турцию — всего лишь ширма для продажи девушек в рабство. Пройдя конкурс на вакантное место, я отправилась в стажировочную поездку. Но чартерный рейс закончился в клетке на заброшенном заводе. Первая же попытка сбежать закончилась знакомством со странным молодым человеком. Моя жизнь стала ставкой в противостоянии «уважаемых господинов». Один красив, как бог. Второй в инвалидном кресле. Оба опасны и по-своему влюблены в меня. А я хочу домой. Содержит нецензурную брань.

© Громова У., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	31
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Ульяна Громова

Его невольница, или Чартер в преисподнюю

Глава 1

«Свобода, раз пустившая корни, быстро вырастает»¹

Турция, Ризе

Я нетерпеливо ждала этого момента. И когда, наконец, мужчина опустил взгляд вниз моего живота, туда, где елозил языком, схватила со столика бутылку и приложила ее о его голову от всей души. Клиент обмяк, ткнувшись носом мне в пах. Я спихнула его на пол и вскочила, мельком увидев, что место удара увлажнилось кровью. Еще пять секунд потратила на то, чтобы проверить его пульс – я не собиралась усыпать дорогу домой трупами, мне на три жизни вперед хватило клетки на заброшенной чайной фабрике в горах, где меня держали вместе с другими рабынями. Убийство даже в моем случае вряд ли откроет путь на родину, и Месут ни разу не сделал мне больно.

Лихорадочно натянула трусики, схватила его сотовый и бумажник, небрежно брошенный на консоль, и бросилась в другую комнату к шкафу. Мне нужны джинсы, футболка и что-то на голову. Я не впервые обслуживала этого клиента и смогла узнать, что и где в его доме. И что у этого мужчины дочь моей комплекции – тоже. Ее одежду, кроссовки и темные очки я и надела.

Осторожно выглянула в окно во двор – мои церберы торчали за низким выбеленным забором, облокотившись на машину и молча наблюдая за домом. Я бросилась ко второму выходу, выглянула из двери и тихо, пригнувшись и прячась за стриженным кустарником, побежала к забору с другой стороны особняка. Времени до конца оплаченного оставалось всего десять минут.

Понятия не имела, куда бегу, лишь бы выбраться из этого ада. Казалось, у меня на это есть все шансы: я отлично говорю на турецком, прекрасно знаю карту черноморского побережья и срок моего безвизового визита ещё не истёк. Главное – добраться до Трабзона, ближайшего города с русским консульством. Там мне помогут вернуться домой...

Россия, Москва. 37 дней назад

– Валентина Владленовна Чернова? – раздался приятный женский голос в трубке, когда я ответила на вызов с неизвестного номера.

– Да, слушаю вас...

– Ваше резюме заинтересовало нас. Приглашаем на собеседование сегодня в тринадцать ноль-ноль. Вам удобно это время?

– Да, спасибо.

– Адрес получите в сообщении через минуту. На проходной вас будет ждать пропуск. Возьмите с собой пакет документов. В случае успешной беседы с руководителем оформляем сразу. Не забудьте прививочный сертификат и загранпаспорт. До конца его действия должно быть не меньше четырех месяцев.

– С этим всё в порядке.

– Хорошо. До встречи, Валентина Владленовна.

¹ Джордж Вашингтон

Собеседница положила трубку, и на смартфон, не успела я ещё повернуться к сестре, пришло сообщение с уже известным мне адресом турфирмы «Энгнима».

– Ну что, что? Говори скорее! – подпрыгивала на месте Юлька, сверкая зелёными глазами.

– Пока собеседование, но чувствует моё сердце, что я его пройду!

– Ааа! – завизжала младшая дочь моего отца – двенадцатилетняя бойкая школьница – и бросилась мне на шею.

Я обняла сестрёнку.

– Ты рано радуешься.

– Ничего не рано! Ты ж не менеджером едешь, а экскурсоводом! Мечта сбывается! Да тебя с твоим знанием пяти языков только конченные кретины не брали! Валька, всё будет чики-пуки!

Я засмеялась. Вера в меня сестрёнки придавала сил и поднимала настроение. А я уже совсем было отчаялась. Турбюро, где работала несколько лет, закрылось, но перевести меня в экскурсоводы за границу шеф так и не захотел, хотя при устройстве на работу этот пункт моей карьеры оговаривался особо. Я больше не верила в обещания и уже почти год искала работу сразу в желанном статусе.

И «Энгнима» – маленькая фирма – стала единственной, где не настаивали на предварительной работе с бумажками в российском офисе. *«Вы там будете не одна, и всю специфику работы узнаете на месте. Незачем терять время, у нас горящая вакансия в Ризе»* – эти слова звучали песней победы, и долгую неделю я ждала ответа «Энгнимы» после целого тура предварительных бесед, длившегося почти семь часов. Тесты, опросы, ролевые игры, выводящие из зоны комфорта – кандидаты отсеивались со скоростью ударов по аккордовой клавиатуре². В итоге после выматывающего дня осталось трое: я, Светлана и Ольга. Все три – блондинки с длинными волосами, это главный критерий первоначального отбора. *«Образ русской девушки в странах Ближнего Востока – русококая красавица. Турецкий партнёр настаивает на этом типаже»*.

Турция, Ризе

Оплаченное время уже истекало, и мои сопроводители вот-вот постучат в дом клиента. Погоня за мной начнётся мгновенно, стоит им узнать, что я сбежала.

Чтобы решиться на это, нужно быть не в своём уме – я видела, как таких смелых ловили и пользовали всем стадом в комнате надзирателей, возвращая в клетку полуживой кусок человеческого мяса. Девушек не били, но имели самыми извращёнными способами сутки и двое – охранявшим нас самцам не разрешалось трогать нас, кроме вот таких случаев. Многих непокорных подсаживали на героин. Но были и такие, кто спустя время соглашался заниматься проституцией, лишь бы иметь более сносные условия.

Меня не устраивала ни одна их возможных перспектив.

Главная трасса D010, разогретая июньским солнцем, прикрылась маревом нагретого асфальта и испариной Чёрного моря, по кромке которого и растянулась. Я видела широкую серую ленту внизу, но выйти на неё сейчас было бы самоубийством. Как и идти днём. Но и оставаться в окрестностях дома Месута тоже нельзя. Нужно где-то затаиться до сумерек, и ничего лучше, чем пробраться в чужой особняк, я не придумала.

Покрытый черепицей трёхэтажный дом заманил меня открытым окном на первом этаже. Я огляделась и быстро перелезла через кованый забор. Прокравшись за олеандрами, прижалась к стене и прислушалась: голоса женщины и двух мужчин доносились с двора, стало понятно,

² Стенографическая машина.

что люди ужинали на воздухе. Осторожно заглянула в окно – кухня, и в ней никого нет. Быстро запрыгнула на подоконник и перемахнула через него внутрь.

Стараясь не шуметь, кралась в поисках лестницы, оглохшая от бешеных ударов сердца. Ладони вспотели, а перед глазами то чудились чёрные мушки, то вдруг всё начинало дрожать. Тяжёлое дыхание казалось таким громким, что старалась не дышать, но это при таком пульсе было невозможно – я будто выложились на стометровке.

Мне нужно было подняться на третий этаж и найти лестницу на мансарду – я заприметила маленькое окошко еще когда оценивала дом на возможность проникновения. По логике, люди располагают на первом этаже те помещения, где чаще всего находятся. Второй этаж наверняка занят спальнями. Что на третьем, я не думала, но надеялась, что там мне удастся найти укромный угол и отсидеться до ночи.

Я уже поднялась на один лестничный пролёт, когда услышала шаги сверху и голосок ещё совсем маленького ребёнка. Рванула вниз бесшумно как могла и чуть не описалась, когда краем глаза увидела, как сбоку открывается уличная дверь.

– Энвер, у нас побег, – докладывал неприятный тип по телефону, быстрым шагом возвращаясь к машине. – Русская Месуту голову пробила.

– Кто?

– Двадцать седьмая.

– *Amina koym³!* А вы куда смотрели?! – вскипел собеседник горе-надзирателя. – Я тебе твои зенки на шнурок повешаю и на том же шнурке удавлю, *götünü sikerim!*

– Мы глаз с дома не спускали...

– Что Месут говорит?

– Он не понял, что это она сделала. Утащила его бумажник, в чём ушла – неизвестно, её тряпье осталось на месте.

– Всё обыскали?

– И кусты прошарили, никто не видели её. Как сквозь землю провалилась.

– *Gebertirim seni!* Сколько у неё было времени?

– Месут сказал, минут двадцать навскидку.

– Ищите, она не могла за двадцать минут уйти далеко, русские девки слишком заметные! Найдёшь – жду звонка! *Kafamı siktin!..*

Надзиратель смачно выругался и сплюнул на землю.

– Корай! – позвал он напарника. – Надо пройти по дворам, поспрашивать, она не могла рвануть в горы, а к побережью мимо нас не ушла бы. Если не дура – затихарилась бы в усадьбах.

Я одним прыжком заскочила в комнату напротив лестницы и едва не упала, споткнувшись о ковёр. С трудом удержав равновесие и потеряв драгоценные мгновения, готова была зареветь от ужаса быть обнаруженной – спрятаться в большой гостиной решительно негде, единственное место – за распахнутой дверью комнаты.

Метнулась за неё, прижалась к стене, вытянувшись на цыпочках в струнку и возненавидев свою дерзко торчащую грудь. Натянула одной рукой футболку вниз, чтобы сжала её пышность, а второй вцепилась в ручку двери.

Господи! Помоги мне раствориться в этой чёртовой стене!

Весь мой мир сузился до размеров узкого вытянутого треугольного пространства. Но в этом доме я не имела права даже квадратный миллиметр. Меня трясло от страха, не могла совладать с частым дыханием, бросило в пот, ноги слабели от напряжения.

³ Здесь и далее слова без перевода – турецкий мат.

Я слышала, как кто-то, спустившийся по лестнице, прошёл в кухню – голосок малыша, ещё не умеющего говорить, доносился теперь оттуда. Неясное женское бормотание заглушалось ударами моего сердца и шумом крови в ушах. Я настолько сильно старалась расслышать, что происходит там, что чуть не вскрикнула и выпустила ручку двери, когда кто-то с той стороны резко потянул её на себя...

Россия, Москва. 36 дней назад

– Валь, смотри, какой я дом нашла!

Неугомонная Юлька принеслась в мою комнату с очередным проектом усадьбы. Девчонки в её возрасте наверняка не скупают на карманные деньги журналы интерьеров и архитектурных проектов загородных домов. И кукол из старого тряпья тоже не шьют. А моя сестра шьёт и раздаёт их первым встречным детям. У неё не было недостатка в игрушках, но все они ей не слишком нравились. Она говорила, что они мёртвые. Первый раз я услышала от неё это слово, когда ей было шесть лет, Юлька уже в этом возрасте каким-то глубинным чувством понимала потоковое бездушное и ручное одухотворённое. И с журналами она носилась не просто так – мечтала о большом доме где-нибудь в лесу, чтобы можно было создавать свои игрушки.

– Ну давай, показывай, – я вздохнула.

До вылета в Турцию чартерным рейсом всего два дня, мне нужно было успеть сделать кучу дел. И самое главное – отвезти Юльку к отцу. Я боялась, что она не захочет из московской школы переводиться в Подмоскovie в сельскую за сто километров от столицы, а отец категорически не согласен бросать своё богатое подворье. Оно и понятно – если бы папа мне не помогал, я бы ни за что не вытянула сестру и аренду квартиры, пусть за МКАДом и маленькую, но от этого не ставшую намного дешевле. Его большая ферма давала стабильный доход.

– Валь, ну не вздыхай! Помнишь, за папкиным полем на опушке леса есть такая бухта – как раз вот под этот проект!

– Юль, бухты в море.

– Ай, не придирайся! Выглядят они что в лесу, что в море одинаково! Короче! Смотри! Вот этот дом просто создан для нас! И от нашей деревни недалеко, и папке не надо будет технику гонять!

– Технику он будет гонять, ты же знаешь – она должна стоять в ангаре, а не под дождём.

– Ладно, – согласилась сестра, – пусть гоняет. Но ты только вспомни ту опушку и представь там этот дом... – Юля мечтательно закатила глаза. – Отпад! – и она подтвердила свои слова, упав навзничь на диван, только голые ноги мелькнули.

Я рассматривала рисунок и планировку дома и понимала – сестра права, это то, что надо. Небольшое крыльцо, симметричная геометрия снаружи, а внутри несколько вариантов расположения несущих стен и переборок. Можно сделать большую гостиную и кухню, а спальни и мастерская для Юли уместятся на втором этаже.

– Да, ты права, этот дом идеальный.

– Я уже позвонила и узнала стоимость проекта! Вот заработаешь в Турции и купим его!

– Ты не забывай, что проект – это ещё не дом. Еще нужны стройматериалы и рабочие. И надо узнавать, можно ли на той земле дом строить. Так что не всё так быстро и просто. И работать мне на него несколько лет, ты уже школу окончишь, замуж выйдешь и забудешь о нём.

– Валечка, ну я забуду, но ты-то нет! Ты же тоже не можешь всю жизнь одна жить. Тебе замуж надо. Я уже не маленькая, даже целовалась с Юркой... – Юлька распахнула большие зелёные глазищи и зажала рот ладошками.

Я изобразила возмущение, демонстративно свернула журнал в трубочку и двинулась на сестру. Она с визгом выскочила из комнаты и захлопнула дверь своей комнаты. Я только улыбнулась. Юрка, значит... Двенадцать лет, а уже целуются. Интересно – как?

Мне даже стало по-хорошему завидно. Сама я рассталась с парнем почти сразу после подачи заявления в ЗАГС. Мечты о празднике и счастливой жизни с Павлом разбились о его измену с моей единственной подругой. Банально до зубовного скрежета.

Жизнь вообще банальна. Всё в ней идёт по пути наименьшего сопротивления. Если судьбе было угодно кого-то разлучить, то ничего выдумывать ей не пришлось. Зачем всякие тайны и интриги? Достаточно столкнуть интимными местами тех, кто подвернулся под руку на ближней орбите жертвы её игрищ.

– Юлька, выходи! Дам по темечку разок, и надо поговорить...

– Знаю я, о чем ты хочешь поговорить! Не переживай, я тебе не говорила, но мне не нравится учиться в этом классе! Они все придурки! Уже третий раз мне бойкот объявляют...

– А ну открывай! – я пнула дверь, в одну секунду превратившись в фурию – за Юльку могу убить. Глотку перегрызть. Землю остановить и поскидывать с неё всех уродов...

Турция, Ризе

Это были далеко не все промелькнувшие воспоминания за те мгновения, пока дверь отодвигалась от меня. Я видела это словно в замедленной съёмке, казалось, звуки улицы размазались, будто заело магнитофонную плёнку. В эту секунду длинную в жизнь я почувствовала себя голой по-настоящему. Беззащитной, с обнажившейся нервной сетью.

Обвела взглядом комнату и застыла, глядя на большое кресло. Оно стояло в метре от меня спинкой в угол. Но чтобы спрятаться за него, нужно сначала отодвинуть, а у меня на это не осталось ни времени, ни сил. Я уже сжала кулак, чтобы ударить неизвестного человека, но услышала стук во входную дверь.

Мою преграду от внешнего мира тут же отпустили. Я бросилась было к креслу, но в последний момент что-то меня словно дёрнуло, и я выглянула в коридор. Мужчина в легком домашнем костюме шёл открывать входную дверь, а из кухни слышались голоса, но никого не было видно.

И я рванула к лестнице напротив, не думая, что могу напороться на кого-то ещё. Страх и отчаяние гнали наверх. Меня накрыло паническим ужасом, когда внизу раздался громкий голос моего надзирателя:

– Мир вашему дому. Мы ищем девушку со светлыми волосами. Она опасная преступница, может проникнуть в дом...

Я замерла, мир перед глазами кувыркнулся и потемнел...

Вцепилась в перила, чтобы не скатиться прямо в руки моим преследователям, колени подогнулись, но я собрала все силы и сделала ещё рывок по коридору второго этажа, туда, где увидела лестницу на третий. Ещё два пролёта – и я оказалась в пустом квадратном тупике с тремя дверями.

Сердце грохотало, ноги едва держали, лёгкие, казалось, шумно стремились вобрать в себя весь окружающий воздух. Я осторожно повернула ручку центральной двери – просторная ванная с какими-то странными приспособлениями, прикрепленными к потолку. Подняла глаза – полозья этой конструкции продолжались в тупичке и вели в помещение справа. На ум пришло нечто дикое – это конструкция для перемещения тяжёлых грузов, может быть... наркотиков? Трафик героина через Ризе равноценен трафику российской нефти в Европу – это я знала. Но зачем им быть в туалете? Я потянула ручку двери слева – заперта.

Снизу послышался шум шагов и голосов – похоже, мои пленители попросили осмотреть дом. Уже пожалела, что поддалась показавшейся удачной идее спрятаться в первой подходящей усадьбе. Мне ничего не оставалось, как открыть последнюю дверь.

Закрыв её за собой, я быстро огляделась... и напоролась на взгляд чёрных глаз.

В очень дорогом навороченном инвалидном кресле-трансформере сидел парень. Ему на вид лет семнадцать, но строгий, настороженный и странно спокойный взгляд добавлял года

три-четыре. За стеной слышались голоса, я испуганно бросила взгляд на дверь и вернула его к парню. Чувствовала себя снова в клетке. И свисавшие с потолка цепи с ошейниками на круговых карабинах только добавляли чувству безысходности глубины. Я прислонилась к двери и сползла на пол, закрыв лицо руками.

Это конец.

– Ты кто? – прозвучал закономерный вопрос.

Но задан он был таким тихим голосом, что подняла на мальчишку глаза. В голове не уместилась разница его внешнего вида подростка и интеллект умудрённого жизненным опытом мужчины во взгляде.

– Уже неважно, – ответила беззвучно одними губами на русском.

– Лучше мне ответить, – прозвучало так же тихо, но требовательно до мурашек под кожей.

– Рабыня, – ответила и опустила голову, уткнувшись лбом между коленей.

– Занятно. И чья?

Я напряглась, слыша за тонкой перегородкой тяжёлые шаги по лестнице. Вскочила и бросилась к окну, запоздало поняв, что инвалид не остановит меня, если я захочу выпрыгнуть в окно, а другого варианта просто не было.

– Стой, – услышала за спиной и обернулась. Парень повернул коляску ко мне. – Это тебя ищут? – чуть заметно кивнул на дверь. И я кивнула в ответ, нажимая ручку, блокировавшую окно. – Иди туда, – не сводя с меня взгляда, легко кивнул на дверь между столом и креслом.

Услышав стук по входной, я рванула туда, показал парень, и оказалась в спальне. Приложила ухо к узкой щели и прислушалась...

– Входите, – сказал парень совершенно обыденно, ничуть не превысив децибелы обычной речи.

Я услышала, как отворилась дверь...

– Уважаемый господин⁴, простите, что побеспокоили...

– Вот именно – побеспокоили. Разве я не сказал тебе, Халим, чтобы ты не показывался мне на глаза?

– Простите, господин, эти люди ищут сбежавшую преступницу, и я подумал...

– Чем ты подумал, ослиная голова? – буквально на полтона повысил голос парень, а меня будто закатали в вечную мерзлоту. – Пошёл вон! – добавил даже как-то весело.

Я услышала, как рассыпался в быстрых извинениях ошеломлённым голосом мой надзиратель и тот, кого парень назвал по имени, как закрылась дверь соседней комнаты. И через секунду после этого:

– Иди сюда, – прозвучало спокойно, но так, что стало понятно – эта въевшаяся в голос привычка повелевать появилась неспроста.

Из огня да в полымя. Я еще не знала кто этот парень, но уже боялась его не меньше тех, кто боголепно называл его «уважаемый господин».

Вышла из его спальни и замерла, не понимая, что делать. Попытка выпрыгнуть в окно уже не казалась удачной – дом достаточно высок, сломать ноги легче лёгкого. Путешествовать по дому в поисках другого места, чтобы отсидеться несколько часов – совсем плохая идея. А этот «господин» – даже мозг отказывался его так воспринимать – спрятал меня от преследователей. Но что-то подсказывало, что я об этом крупно пожалею, и моя клетка номер двадцать семь на старой фабрике покажется не самым худшим местом.

Парень очертил мою фигуру взглядом, а померещилось, что меловой линией.

– Блондинка... – констатировал буднично: – От Энвера сбежала?

⁴ В Турции так обращаются к человеку для обозначения титула, должности и уважения.

Я кивнула. Никогда не видела главного своего пленителя, но его боялись и уважали те, кто надзирал за нами и возил к клиентам. Они называли его тоже «уважаемый господин», почти все, за исключением разве что того, кто меня преследовал – Толги. Этот сопровождал невольниц в фешенебельный район Ризе – в тот самый, где я сейчас скрывалась.

Богатые белые дома под черепичными крышами цвета лосося, заросли олеандров и рододендронов, эвкалиптовые и кипарисовые аллеи, лавровые кусты и необыкновенные пальмы, море цветов и яркая зелень стриженных лужаек. И дома, пусть мало похожие на дворцы сказочных султанов, но ничуть не дешевле и гораздо стильнее и современнее.

Надо было быть конченой дурой, чтобы забраться в один из них. И я с успехом это провернула.

– Тебе лучше вернуться к нему.

– Лучше чем что? – тихо спросила, чувствуя, как всё внутри сжалось. Парень ничего не ответил, только дёрнулись в мимолётной усмешке уголки губ. – А ты кто такой? – набралась дерзости.

Терять мне уже было нечего. Я каким-то девятым чувством понимала, что моя жизнь сейчас зависит от этого инвалида. От него расходились флюиды смертельной опасности, словно колючки втыкались в кожу и пролазили под неё дурным предчувствием. Мне нужно уходить отсюда, но вряд ли это так же просто, как открыть дверь, спуститься по лестнице и выйти на улицу.

– Кемран, – наконец, ответил парень. – Ты откуда?

– Из Москвы. – Мои слова едва не заглушило ворчание пустого желудка.

Девушек не кормили в те дни, когда они не обслуживали клиентов. А отрабатывать своё «содержание» заставляли – невольницы, и без того обессиленные плохим одноразовым питанием, выносили десятки вёдер с нечистотами из клеток других невольниц, убирались в комнатах надзирателей, иногда их отправляли на чайные плантации, а иногда куда-то забирали и они бесследно исчезали.

Я не ела со вчерашнего дня. Бунт моего организма не остался незамеченным. Кемран пальцем нарисовал полукруг на сенсорной панели на подлокотнике, и кресло с тихим шелестом развернулось на сто семьдесят градусов.

– Иди сюда. – Он подъехал к столику с фруктами и какой-то выпечкой. – Садись, ешь и рассказывай...

Глава 2

Правило идеальной лжи:

говорить неправду и выглядеть убедительным

Россия, Москва. 35 дней назад

Весь следующий день я проносила: сначала в школу забрать документы Юльки, потом в салон красоты на эпиляцию и долговременную укладку. К вечеру устала и даже не хотела думать о том, что нужно собирать вещи для переезда. Машину вызвала на десять вечера, надеясь, что к этому времени МКАД уже очистится от пробки длинной в МКАД. По пути купила курицу гриль, бутылку фанты и крабовый салат – готовить ужин не хотелось, да и смысла в этом не было. Тяжело вздохнув, вышла из лифта и открыла дверь съёмной квартиры.

И поняла, что в который раз недооценила Юльку.

Обмотанные скотчем коробки с надписями «посуда», «книги», «мелкое барахло», «еще мелкое барахло», «обувь», «какая-то фигня» и прочими громоздились в коридоре пизанскими башнями. Играла музыка, пахло жареным мясом.

Я сбросила туфли и опустилась с высоты каблучков босыми горячими ногами на прохладный пол. Застонав от наслаждения, прошла в кухню, где гремели кастрюли – мой тинэйджер стояла на карачках, почти по пояс скрывшись в тумбе. На столе в кастрюле в отколупанном из морозилки льду торчала бутылка шампанского – неприлично дорогущего, купленного на свадьбу, чтобы выпить с мужем в романтической обстановке. На плите ещё пыхала жаром свинина с луком и круглой картошкой, а около раковины лежали свежие огурцы и пучок зелени.

Я поставила пакет с едой на стол и села на табуретку.

– Юль...

Сестра дала задний ход и выползла из шкафа.

– О! Чего так пугаешь? Я тебя ещё не ждала.

Она села на пол, её светящиеся малахитовые яркие глаза на чумазой от пыли мордахе смотрелись зелёным сигналом светофора – эта девчонка не реагировала на стоп, но и за рамки своего возраста ни в чём не выходила. Кроме, разве что, слишком высокого ай-кью.

– Что ты там ищешь?

– Нож уронила твой любимый.

– Ясно. Иди в шкаф и без ножа не возвращайся.

Юлька послушно полезла обратно, вывернувшись непонятно как и вскоре снова села на полу, держа в руках подаренный отцом охотничий нож с ручкой из эпоксидной смолы, похожей на янтарь. Луч солнца дотянулся до кончика лезвия и стёк по нему, располовиненный.

Уже через минуту остриё так же легко справилось с курицей-гриль.

– Как мы это всё съедим? – спросила, окинув взглядом гору еды на столе.

– Не знаю, как ты, а я справлюсь, – уверенно заявила сестра и подняла стакан с фантой. – За сбычу мечт!

Я подняла свой – тоже с газировкой. Открывать шампанское всё-таки отказалась – вернусь из стажировочной поездки в Турцию, все втроём соберёмся за столом в нашем доме и выпьем за мой успех и новую работу мечты.

Турция, Ризе

– Экскурсовод? Ты хорошо знаешь Ризе? – спросил Кемран.

– Чисто теоретически. Стажировочную поездку для того и совершают, чтобы увидеть всё воочию, выстроить логику экскурсии, узнать нюансы, – ответила, доедая твёрдую грушу.

После фруктов и булочек с начинкой из раннего винограда хотелось горячего чаю и выспаться. А ещё позвонить отцу и попросить помощи.

– А что потом?

– Согласовывают финансовую часть, заключают партнёрский договор, – отвечая, я бросала взгляды на дверь, а парень игнорировал моё беспокойство.

– Выходит, ты сама разрабатываешь маршрут, а не приезжаешь на готовый?

Я кивнула.

Наш разговор мог со стороны показаться дружеским, но я думала только об одном – как уйти из этого дома. Кемран держал меня в напряжении одним лишь взглядом. Из головы не выходило обращение к нему мужчин в два раза старше его. «Уважаемый господин». В чей дом меня занесло?

– Зачем ты забралась сюда? – пожалуй, на этот раз в его голосе прозвучал едва заметный интерес.

– Хотела отсидеться до темноты, чтобы меня перестали искать. Не подумайте, я не хотела ничего воровать...

– Энвер не прекратит поиски.

Я вздрогнула и мгновенно вспотела, хотя в комнате было даже прохладно – бесшумно работал кондиционер. Кемран мою реакцию заметил, уголки его губ чуть скривились, он прищурился.

– Откуда вы знаете... – прошелестела тише дуновения воздуха, потеряв голос.

Имя хозяина невольниц внушало мне ужас. Этот человек казался средоточием зла и центром моей боли. Точкой в мишени моей мести. Ещё не знала как, но воображение рисовало самые изощрённые пытки для этого гада. Мне он виделся толстобрюхим и вонючим, с тюрбаном на голове, в полосатом халате и наглой рожей с сальным взглядом. Мстить такому даже в мыслях было отрадно.

– Я помогу тебе... чем смогу. Но за ответную услугу...

Кемран не ждал ответа, просто что-то прикидывал в уме, окидывая меня с ног до головы цепким взглядом. У меня ещё больше пересохло во рту, когда его взгляд сначала задержался между моих ног, потом коснулся груди – так, что от далеко не сексуального возбуждения затвердели и оттопырили тонкую ткань соски – и вернулся на лицо.

– Какую? – просипела и сглотнула вязкую слюну, тут же застрявшую в горле комком.

– Ничего для тебя непривычного, – Кемран впервые улыбнулся, показав острые зубы.

А у меня появилось ощущение, что я стала главным блюдом на каком-то банкете, где виновником торжества был этот странный парень. «Уважаемый господин». Уважаемый моими надзирателями. Нехорошее предчувствие мазнуло по сердцу острыми когтями. Я внимательно всмотрелась в лицо Кемрана. Несомненно, очень молод, хотя и я в свои двадцать четыре на зрелость не претендовала. Несмотря на инвалидное кресло, тело гармонично сложено, плечи хоть и не широкие, но не худые, руки жилистые, но не тонкие и наличием тугих мышц похвастаться могли. Глаза цвета крепкого кофе меняли цвет от горько-шоколадного до чёрного – небольшая палитра, но гармоничная со скудной эмоциональностью парня.

Кто он?

– Спасибо за предложение и спасение... но всё же я не хочу злоупотреблять вашим гостеприимством... при таких обстоятельствах...

Я совершенно серьёзно собиралась встать и выйти из дома, как все нормальные люди – не скрываясь. Это временное помешательство прошло быстрее, чем я встала с банкетки.

– Не беспокойся об этом, я обещал помочь...

– Но я не смогу оказать ответную услугу, потому что собираюсь вернуться домой, – невежливо оборвала его возражение.

– Как?

И снова ноль любопытства, будто ответ его интересовал в последнюю очередь, будто этот город – та же клетка, и из него не вырваться, если не выпустит хозяин. И будто этот хозяин – этот парень в инвалидном кресле.

На секунду зажмурилась, чтобы отогнать нелепые мысли. Просто я у него дома в очень зависимом от него положении, остальное – бред воспалённого от страха разума.

– Обращусь в русское посольство в Трабзоне, – ответила, собрав всю смелость.

Неожиданный смех Кемрана неприятно кольнул под сердце новым предчувствием. Скупой на эмоции парень развеселился не на шутку. И было в этом веселье что-то зловещее и издевательское. По коже прошёлся мороз, испарина превратилась в тонкий панцирь, что сковал крепче стальной брони.

– Логично. Извини, это был глупый вопрос, – наконец, отсмеялся Кемран. – Ты пешком туда собралась?

– На автобусе.

Это была ложь. После смеха парня мне совершенно расхотелось откровенничать. Я рассчитывала добраться до Трабзона пешком по берегу моря. Сто километров для отчаянной беглянки – не такое уж большое расстояние. Мозг лихорадочно соображал, не взять ли такси и добраться за час, но почему-то я была уверена, что эта затея провальная. А я ещё и привлекаю внимание светлой кожей и волосами – туристы здесь не останавливаются, а приезжают на экскурсии, и точно не топают целенаправленно вдоль государственной трассы. Наверняка мои надзиратели, раз уж сообразили искать меня по домам, додумаются, что я рвану в посольство. Логично предположить, раз я украла деньги, то воспользуюсь машиной, значит, меня могут уже встречать у посольства. И лучше я потяну время и явлюсь туда через два-три дня, когда уже подумают, что я решила добраться до Анталии. Или со мной что-нибудь случилось.

А со мной и случилось. Вернее, случился – Кемран. Он мало говорил и эмоционализировал, но каждое дрожание уголков его губ или вспышка в глазах говорили куда больше. Мне уже гораздо страшнее было бы что-то услышать от него, когда даже молчание несло так много информации.

– С туристами?

Да, это плохая затея, соврать не удалось. Не настолько я дура. Туристические автобусы наверняка осмотрят в первую очередь. Или у меня от страха просто стремительно развивается мания преследования.

– Кемран, спасибо ещё раз, но я должна уйти. Не хочу навлечь на вас гнев моих преследователей.

Лицемерие чистой воды, я ведь слышала «уважаемый господин». И парень открыто усмехнулся, давая понять, что прекрасно это знает. Да, стены здесь картонные.

– Так вот об услуге, – лениво начал он. – Я, как видишь, прикован к креслу, и в Ризе видел меньше самого ленивого туриста. Ещё три года назад я мог всё обойти на собственных ногах, но когда всё под боком, всегда кажется, что ничего никуда не денется. Сейчас идея осмотреть достопримечательности в твоей компании кажется мне довольно привлекательной.

Он замолчал, как обрубил разговор. Явно ждал ответа.

– Но я не могу. Я вернусь домой.

– Потом.

Прозвучало уверенно. Сердце забило сильнее, хотя куда уж больше! Но принимать надежду я не спешила.

– Но нужно время, чтобы разработать маршрут, я должна побывать везде сама, чтобы оценить возможности для... вас.

– Нет проблем.

– Кроме трёх... – Ни один мускул, волосок и пора кожи не дрогнули на его теле, но его вопрос «каких?» я видела буквально. – Я не могу это делать из-за преследования, у меня для этого ни единой возможности, и я не хочу здесь задерживаться.

– Возможности?

Ну да, можно подумать «уважаемого господина» волнует что-то ещё! Дать мне в руки лопату прокопать в горах тоннель к средневековому замку Ризе – это пожалуйста. Остальное – мои проблемы.

– Вы меня не отпустите...

Это было признание поражения. Ему достаточно позвать кого-то из домашних, чтобы у меня был обширный выбор из меню неприятностей: обвинение в проникновении в частную собственность – лёгкое блюдо, причинение телесных повреждений Месуту и грабёж – на горячее, и возвращение в клетку – крепкий алкоголь. А десерт всегда один – меня весело и с превеликим удовольствием попользуют те двадцать охранников, что караулят заброшенную фабрику. Может, их больше. Это я насчитала тех, кого видела.

– Потом, – повторил Кемран.

И что-то подсказывало – мне только что сделали исключение, потому что «уважаемый господин» дважды не повторяет. И что экскурсии – далеко не всё, что хочет от меня этот парень.

– Как это будет выглядеть? Мне надо где-то жить, на что-то питаться и одеваться, мне нужна свобода передвижений и необходимая литература на русском языке – я намного хуже читаю на турецком, чем говорю.

Едва заметный кивок собеседника дал понять, что он всё понимает.

И что выбора у меня нет.

Россия, Москва – Турция, Трабзон

34 дня назад

Земля, прощай! В добрый путь!

Чартерный самолёт выкатывался на взлётную полосу. Сердце замирало от восторга в предчувствии романтического антуража: глубокое Чёрное море, дайвинг, горячий белый песок, мохито и горячие любвеобильные турки – в свободное от работы мечты время! Душа летела быстрее самолёта!

Я села у окна, рядом в таком же предвкушении сидела Светлана, а через проход – Ольга. За время отбора мы успели немного узнать друг друга, а в предполётной зоне у нас было время познакомиться в неофициальной обстановке.

Светлана внешне походила на всех героинь русских сказок разом: светло-русые выющиеся волосы в толстой косе ниже попы – чуть растрепавшись, они окружили головку девушки слабым нимбом, вальковые глаза, свежая белая кожа с румянцем, пухлые красиво очерченные розовые губы и зубки, как жемчужинки, голос – звонкий ручеёк, и ямочка на щеке. Белое платье в синий горох облегалo красивую высокую грудь и крутые бёдра, длинные ноги в босоножках на невысоком каблучке. На неё можно было бы любоваться вечно. Кровь с молоком, хотя лишних сантиметров не обнаружила.

Ольга показалась мне слегка высокомерной и холодной, держалась отстранённо и претендовала на статус леди и стервы одновременно. Она зачехлилась в стильное прямое омаровое с голубой отделкой платье выше колен и собрала высокий хвост. Чем-то она напоминала шуку. Может быть, длинным лицом и макияжем, и всей фигурой – высокой и слегка худощавой.

А я решила, что в красивое переоденусь в гостинице, и сидела в льняных персиковых брюках и цвета какао футболке с круглым в меру глубоким вырезом. На фоне коллег прилепила себе ярлык – простушка. Не было во мне сказочной красоты и великосветской помпезности. Я просто старшая сестра тире мама для Юльки. Этим всё сказано.

– Слушай, Валь, не помню, чтобы говорили название гостиницы... – нахмурилась Светлана.

– Сказали, нас встретят и отвезут в Ризе, наверное, как раз в гостиницу.

Соседка разглядывала красочный проспект с видами города: побережье серпом, горы с красивыми пейзажами, небольшие чайные плантации террасами на склонах, белые дома и лососевые крыши...

– Я была на собеседовании в другой турфирме, так вот они не в гостиницах селят экскурсоводов, а доплачивают за жильё.

– Но мы же пока в стажировочную едем. Поселят в каком-нибудь недорогом хостеле... – пожалала я плечами.

– Наверное, да... – Светлана задумалась, покусала губу и спросила: – А ты знала, что у «Энгнимы» есть ещё бюро зарубежных знакомств для женщин?

– Почему бы и нет? Тем более связи с заграницей уже налажены, – я улыбнулась.

– Не знаю... ладно, не в рабство же нас продадут.

– Ну да, тогда бы вывозили точно не с комфортом.

Самолёт уже вознёсся над облаками, и смотреть в иллюминатор стало не на что. Я отказалась от предложенной стюардом еды и прикрыла глаза.

Едва открыла их в следующий раз, попросили пристегнуть ремни – чартер в рай подходил к концу. И к началу – моя новая жизнь!

Нас на самом деле встретили – молчаливый турок лет сорока держал табличку с нашими именами и неплохо говорил по-русски. Он проводил нас к серебристому пикапу, закинул чемоданы в кузовок и сел за руль. На переднем сиденье сидел ещё один турок, он повернулся к нам, окинул быстрым взглядом с ног до головы и, кажется, остался доволен. А мне показалось, что по телу прокатился ёж, проколов каждую пору кожи нечистыми иглами.

Из международного аэропорта в Трабзоне мы ехали по трассе, повторявшей линию побережья, и уже через полтора часа свернули с неё в горную местность. Светлана нервно покусывала губу, Ольга тоже натянулась струной, когда черта города осталась позади, а за окнами авто раскинулись ряды чайных кустов.

– Куда мы едем?! – не выдержала она.

– Скоро увидите, – бросил, не поворачиваясь, водитель. – Пять минут – и мы на месте.

Девушки немного расслабились. А я, разглядывая красоты заморской страны, даже не успела слишком разволноваться.

Но ровно до тех пор, пока мы не въехали за охраняемые вооружёнными турками ворота какого-то заброшенного производства. Света всхлипнула и сжалась, Ольга задёрнула ручку дверцы джипа и возмутилась:

– Какого чёрта? Что это вообще такое? Куда вы меня привезли?!

– Заткнись, – коротко бросил уже нелюбезный водитель и остановился в полутора метрах от железной ошарпанной двери. – По одной заходите внутрь.

– Даже не подумаю! – крикнула Ольга и тут же осеклась, когда на неё тяжело и похотливо посмотрел второй мужчина.

Светлана вышла первая. Ольга слово держала и не выходила. Но недолго – когда мы со сказочной красавицей вошли в двери, её толкнули следом.

Огромное, по-видимому, складское помещение какого-то завода. Грязные большие окна за решётками, бетонный пол и... четыре ряда клеток с девушками. Я впала в ступор. Разум отказывался принимать очевидное.

Мечта, прощай.

Добро пожаловать в преисподнюю...

Турция, Ризе

– Живи сегодняшним днём. Если будешь делать, что я скажу, и придерживаться нашего соглашения, это будет в твою пользу.

– Я могу отказаться?

Не могла не задать этот вопрос – мне нужен контрольный выстрел в голову, чтобы убить надежду на побег и обрести другую – что Кемран сдержит свою часть соглашения, никем не подтверждённого, и поможет мне добраться домой. Как – я не представляла.

– Можешь, – ответил спокойно.

А то, что он не сказал, я снова прочитала в повисшей тишине.

Я едва сдерживалась, чтобы не ёрзать, взгляд то и дело ковылял к двери. Казалось, стоит за неё выйти – всё изменится, ослабнет сковывавшее волю влияние этого парня, воздух, наконец, наполнит лёгкие. А день станет ярче и светлее. В комнате Кемрана очень светло, здесь всё от отделки до корпуса ноутбука и плазменного экрана в оттенках белого, но не оставляло чувство, что вокруг него сгущается атмосфера и клубится нечто опасное и послушное лишь ему. Наверное, я научилась чувствовать ауру. Или у него она такая мощная, что не ощутить её нереально. Но она, как смог, и потому рядом с Кемраном находиться неуютно.

– И что теперь? Не сидеть же мне здесь вечно...

– Через полчаса всё решится, – ответил он, достал телефон и отправил кому-то сообщение. – Продиктуй, что конкретно нужно для подготовки экскурсии...

Полчаса – это целая жизнь.

Я это поняла два раза. Сначала, когда они тянулись бесконечно долго, а разговаривать с Кемраном было не о чем, и я бесконечно крутила в голове воспоминания о том, как устраивалась на эту работу, почему не увидела подвоха. Второй раз – когда в комнату постучали. Я сначала обмерла, потом подскочила, чтобы спрятаться в спальне, но Кемран пригвоздил к банкетке коротким «Сиди». Меня бросило в дрожь, когда он разрешил кому-то войти.

И я чуть не лишилась разума, когда на пороге показался Толга – мой надзиратель и преследователь.

Недолго музыка играла. Недолго фраер танцевал.

– Мир вашему дому, уважаемый господин, – рассыпалась в подобострастии особь, весьма приближённая к Энверу.

Я посмотрела на Кемрана – вот, значит, какая помощь. Он ответил спокойным взглядом и едва дрогнувшим уголком губ. Бесчувственный мерзавец! Встала, нагло взяла из вазы персик, окатила хозяина надменным взглядом и вцепилась в сладкий бок фрукта зубами. Вырвала кусок и выплюнула в Кемрана с ненавистью.

Мне уже нечего терять. Через пятнадцать минут меня растерзает толпа ненасытных вонючих мужланов.

Кемран даже не шевельнулся, а мне хотелось многое ему сказать. Но все мои претензии просто смешны. Он запросто пропустил в выборе блюд для меня и закуски, и горячее, сразу остановился на крепком десерте. Насколько надо быть глупой, чтобы поверить дьявол знает кому?!

Я быстрым шагом пересекла комнату, шибанула двумя руками в плечи стоявшего на пороге Толгу и пошла по лестнице вниз. Внутри всё сжималось от страха, меня трясло от злого возбуждения и решимости толпе скотов живой не даваться. Я дышать перестану, но не позволю им тронуть меня!

На первом этаже я увидела женщину и малыша, чьи голоса слышала. Оба проводили меня полным недоумения взглядом. Ещё двое мужчин – старше сорока лет – смотрели настолько нехорошо, что я бы не хотела ещё когда-нибудь попасться им на глаза. Невольно передёрнула плечами, почувствовав, как сжалось что-то внизу живота и по спине морозно скользнуло бес-

покойство. Вышла в дверь и сразу увидела на подъездной дороге джип, на котором меня привезли к Месуту.

Корай ждал около машины, и я направилась к ней, держа осанку королевы. Наверное, что-то такое было в моём взгляде, потому что надзиратель смотрел на меня во все глаза с нескрываемым интересом и – на мгновение мелькнула дикая мысль – даже уважением. Он открыл мне заднюю дверцу, я забралась на сиденье и отвернулась, чтобы не видеть эту опостылевшую мерзкую морду.

Толга подошёл за мной минуты через три. Корай уже сидел за рулём и посматривал на меня в зеркало заднего вида. Меня трясло от ужаса от мысли, что меня ждёт, я кусала губы и старалась не разреветься. Сердце лупило по рёбрам, разбрызгивая кровь, она ошпаривала нервы, и я не сразу поняла, что Толга обращается ко мне:

– Где телефон и бумажник Месута?

Молча вытащила всё из заднего кармана и буквально швырнула в мужчину. Он недовольно выругался и припечатал меня злым взглядом:

– Славь Аллаха, наташа⁵, что ещё жива.

Надолго ли?

Машина рванула с места, едва не срывая асфальтовое покрытие, запахло горячей резиной. Я кожей чувствовала, как бесится Толга. Корай от него недалеко ушёл, он плевал на все правила дорожного движения, топил педаль газа и даже не думал притормаживать на поворотах. Мой страх за собственную жизнь возвёлся в расквadrat его гипотенузу! Если мы не перевернёмся в горах, это будет чудом.

Но Аллах милостив к своим детям. А на меня ему плевать. Через двадцать минут мы уже влетели в раскрывшиеся ворота логова, с визгом тормозов взрыли щебень и окатили из лужи бетонную стену и железную дверь.

Толга выскочил, по-моему, на ходу, потому что я ещё не успела отпустить ручку над дверью, как он распахнул её и вцепился в мои волосы. Я зашипела, но не закричала. Даже тогда, когда он потащил меня хвост внутрь, мимо клеток, к железной опасной лестнице с ржавыми ступенями из арматуры, я не проронила ни слова, хотя было очень больно. Толга вцепился так, что казалось, стащит с меня скальп. Наверх он меня буквально заволок, потому что я не успевала наступать на перекладины, оступалась ещё и из-за лившихся от боли и ужаса слёз, ободрала кожу на голени в кровь.

Когда он, размахнувшись мной, как косарь косой, толкнул меня в длинную узкую, с одним зарешеченным окном камеру надзирателей, прокуренную до тошноты и не меньше провонявшую кислым запахом сумаха⁶, невымытыми телами и потными ногами, меня замутило. Я влетела головой в металлическую ножку стола и упала. А в следующую секунду уже летела на не застланную койку.

Голова раскалывалась в месте удара, глаза заливало слезами и чем-то тёплым, я не могла открыть их, не успела увидеть, сколько мужиков гоготало надо мной. Меня перевернули на живот, завернули руки и замотали их верёвкой так, что заломило запястья, волосы разметались на лицо, закрывая обзор. Когда с меня сдёрнули вместе с содранной на ноге кожей джинсы, натянутые на голое тело, я закричала.

⁵ Имя «Наташа» стало в Турции нарицательным обозначением русских, украинских и белорусских женщин – проституток.

⁶ Специя.

Глава 3

Бойтесь своих желаний.

Они сбываются.

Россия, Москва. 9 месяцев назад

– Свежее мясо! – зычно рявкнул тот, что сидел впереди на пассажирском сиденье, и я, разглядывая девушек в клетках, не сразу поняла, что это о нас.

Я вообще всегда была немного тормозной или даже туповатой. Потому что не увидеть, что мой жених и лучшая подруга – любовники, могла только безмозглая и безглазая дура. Уже задним умом я поняла все их взгляды и ужимки, постоянные «случайные» встречи, «нам по пути», «я подвезу» и «мне нетрудно». Я не ахти какая богатая наследница и не понимала – зачем Павлу вообще нужна была наша свадьба, если у них так всё отлично с Наташей?

Я поймала их на горячем в его квартире. Мы обменялись ключами уже давно. В тот день я должна была последний раз примерить свадебное платье, но уже по пути к швее она перенесла встречу на вечер. Недолго думая, я дошла пешком до дома Паши. Поднялась на третий этаж и отомкнула дверь. Наташкины сиреневые туфли увидела сразу. Среди тёмной обуви жениха они смотрелись яркой насмешкой – им нечего делать здесь, но они валялись тут как попало, будто их скидывали в нетерпении. Её сумка тоже лежала на полу. Дальше – платье. Ещё дальше – футболка Павла, в которой я любила ходить в его квартире. Шла по следам адюльтера, как Мальчик-с-пальчик по хлебным крошкам.

Они даже не закрыли двери спальни. Я стояла в коридоре, будто впала в анабиоз, и заморожено смотрела на ожившее горячее порно...

Да, у нас с Павлом всё было не так. Как-то... преснее, что ли. Я не была фригидной, но с женихом никогда не взрывалась, не рассыпалась, не растворялась или что там ещё делают на пике чувств. Мне был приятен сам процесс, но его не хватало совсем чуть-чуть, чтобы он завершился яркой точкой.

А у Павла и Наташи, похоже, всё получалось отлично. Когда они дружно застонали громче, явно приближаясь к этой самой точке, я кашлянула... и оставила их с запятой. Павел вскочил с подруги, будто подпрыгнул на батуте, и сразу бросился ко мне.

– Валя!.. Это...

– Не то, что подумала, – завершила за него и бросила взгляд на его голое достоинство.

Оно поникло. Сам жених как-то стал выглядеть жалко. Наташка жалась к спинке кровати, натянув простыню до самых испуганных глаз. Ну хоть понимала, чьи яйца украла. Или как там в поговорке? Про сметану?

Я расхохоталась от своих мыслей до слёз, повернулась уйти, чувствуя, что злое веселье перерастает в истерику, но Павел схватил меня и прижал к себе. Осыпал поцелуями лицо и шею, горячо просил прощения за... то, что я это увидела. Я прорывалась к двери с боем, выпутывалась из его сильных рук, кричала и плакала, пиналась, когда он перехватывал меня и отрывал от пола. Паша молчал, пережидая всё-таки накрывшую меня истерику, не просил простить и не говорил, что очень меня любит, как прописано в законах жанра.

Я всё-таки тогда убежала – во мне оказалось гораздо больше боли, придававшей сил бороться с женихом, чем у него вины меня не отпустить.

Наташа ждала на улице. Я и не заметила, когда она уличила минутку улизнуть из квартиры. Стояла с таким жалким видом и мокрыми глазами, что на мгновение стало её жаль.

– Прости... – прошептала так тихо, что я, скорее, прочитала это по её губам.

– За то, что я это увидела?

По её расширившимся зрачкам я поняла, что права.

Я всё-таки достигла яркой точки в своих чувствах.

Пока шла до дома – от квартиры Павла очень далеко, но мне нужно было это путешествие вглубь себя – не ответила на шесть сотен звонков от обоих. Когда всё-таки решила прервать бесконечную мелодию вызовов, получила сообщение:

«Милая, любимая, родная. Валюша, это на самом деле не то, вернее, то, но смысл не в том. Это просто трах. Ты чистая, особенная, и далась мне невинной, я не могу доставить тебе удовольствие, у меня начались проблемы с эрекцией, когда я с тобой. Прости, прости миллионы раз! Солнышко моё, люблю тебя безмерно. Давай решим эту проблему, прошу тебя. Не могу без тебя. Люблю, люблю, люблю...»

Это было бесконечное сообщение, письмо, трактат, не вместившийся в отведённые знаки и продолжавшийся всю дорогу до дома. От каждого сообщения Паши веяло любовью и виной. Он не обвинял меня ни в чём, но когда я подходила к дому, вымотанная дорогой и стрессом, я уже понимала – Павел прав, нам надо было сразу обсудить это. Но мы не смогли. Я – признаться в том, что не получаю удовольствия, он – что это вызвало у него проблемы.

Да, я бы хотела быть как Наташа – открытой, смелой, горячей. Не дойдя до дома, я вернулась в книжный магазин и купила запакованные в целлофановые пакеты книги Эрики Вербицкой в отделе «Эротическая художественная литература».

Турция, Ризе

Мечты сбываются.

Хотела быть Наташей? Здесь меня иначе и не называли. Хотела стать открытой, смелой и раскованной? Меня научили этому не книги Эрики, а клиенты. Горячий темперамент и любвеобильность турецких мужчин пусть не сразу, но подарили яркие оргазмы. Сначала я плакала из-за этого, забившись в угол убогой постели в своей клетке – позор получать удовольствие от работы проституткой! Но потом они стали желанными. Ярких точек становилось всё больше, появились постоянные клиенты, некоторые встречи больше походили на свидания изголодавшихся любовников.

Кроме вот этой.

Можно сказать, мне повезло, что мужчин было всего пятеро – я это увидела, когда один из них собрал волосы с моего лица и задрал мне голову. Казалось, у меня порвётся горло и сломается шея, я открыла рот, чтобы ослабить напряжение на гортань, и увидела наглую ухмылку надзирателя – он спускал штаны.

Мне раздвинули ноги, грубо воткнули палец в лоно и потёрли между складок. Чьи-то шершавые ладони сжали ягодицы, скользнули по спине и смяли груди, больно сдавив соски. Я чувствовала, как твёрдая плоть упирается между ног, а ещё одна приближается к моему раскрытому рту. Зажмурилась и попыталась выкрутиться, но закричала от боли – меня держали за волосы крепко, кожа под ними уже и до того горела огнём, а теперь, казалось, рвалась. Ногу сильно саднило, начинало болеть вытянутое горло. Боковым зрением увидела, как подошёл третий, ошупал руки, потом ногу, растёр взъём ступни и... всадил в вену иглу.

Сизая головка члена качалась у моего открытого рта, тело лапали большие руки. Оглушённая болью и ужасом, я разучилась понимать человеческую речь – слова звучали непонятной белибердой. Ждала грубого тычка внутрь плоти, сжималась в сплошном спазме всем телом. Когда надзиратель дёрнул меня сзади на себя, зашлась в диком крике от боли и страха – клок волос с каплями крови на вырванных корнях остался в руках того, что держал мою голову. Меня выгнули в пояснице, задрав бёдра, а в следующую секунду мощный шлепок чужого тела о мои ягодицы ударил в голову вспышкой безумной ярости. Я выкрутилась, больше не чувствуя ничего, кроме сокрушавшего рёбра биения сердца, адреналин затопил с ног до головы, липким жаром заливал всё тело, кровавой пеленой застил глаза. Я согнула ноги в коленях и ударила ступней в горло тому, кто пристраивался ко мне сзади.

В комнате наступила тишина, только хлюпающий кашель надзирателя прорывался в уши через густой белый шум нёсшегося по крови шока. Я вскочила с не застланной застиранной постели и выкрутила через голову связанные за спиной руки вперёд, едва не вывернув суставы. Но боли не было, лишь зудевшее стремление бежать. Голая, босиком – плевать.

Я рванулась к двери. Двое надзирателей ринулись ко мне в двух сторон сразу. Со мной творилось что-то странное. Будто кто-то спустил с цепи всех моих демонов. Не существовало ничего, кроме этой чёртовой коричневой двери. На ней сошлось клином всё, казалось, стоит прорваться к ней – и больше не будет этого ада, останется лишь белый горячий песок, ласковые волны глубокого Чёрного моря, яркое солнце и свобода...

Один турок – тот, что тыкал в губы свой мерзкий член – отлетел в сторону, только щёлкнуло что-то в руке – или в его челюсти? – когда с размаху ударила сжатыми в кулаки руками. Второй перехватил меня за талию со спины и оторвал от пола, но я била пятками по его ногам так сильно и часто, что он буквально бросил меня.

До двери осталось всего два шага. Потом толкнуть её и бежать. Прятаться. Перегрызть верёвку, когда буду в безопасности.

Я шагнула, но...

...словно иссякла. В одно мгновение комната поплыла вбок, ноги подогнулись. Стало невыносимо тяжело переставлять их, как в дурном сне. Словно какая-то сила включилась и противодействовала любому моему движению. Даже моргнуть стало тяжело – веки не слушались.

Ещё шаг...

Дверь открылась, солнечный луч, неведь откуда взявшийся в этом аду, очертил голову ослепительного красивого черноволосого мужчины лёгким нимбом. В затуманенном разуме мелькнула мысль, что это сам Господь спустился с небес и принёс за собой свет.

Я собралась с последними силами и, казалось, сделала ещё маленький шаг... и упала в руки своему спасителю.

– Спасибо, что пришёл за мной... – прошептала и провалилась в нирвану.

– Девушка очнулась... – услышала голос женщины, говорившей на турецком.

Вместе с ним пришла боль в правом плече, кистях рук, обеих почках. Голова казалась центром проблем – виски будто простреливало, кожа болела до кончиков волос. Глаза открывать оказалось тоже больно – веки словно наждачкой срывали слизистую. Так же дико сухо было во рту. Карта тела алела перед внутренним взором пятнами боли.

Я с трудом разлепила губы, казалось, кожа на них треснула.

– Где я? – прохрипела едва слышно по-русски.

Рта коснулась мокрая ткань, промочила иссушенную кожу. Надо мной склонилась полная черноволосая женщина в молочно-белом колпаке и таком же одеянии. Держать глаза открытыми не могла – слепило всё белое, ярко освещённое солнечными лучами.

– Что случилось? – прошептала, жадно проглотив капли просочившейся в рот воды. – Пить хочу...

Захотела подняться, преодолевая слабость, но оказалась связанной по рукам и ногам.

– Лежи спокойно, – незнакомка придавила мою руку к постели, и я почувствовала в ней катетер, а с трудом повернув голову, увидела капельницу, и чуть дальше – экран с какими-то показателями. – Уж раз очнулась, всё будет хорошо.

Я закутила головой – какая-то комната, небогатая, но просторная. Или так казалось после клетки. Я была здесь одна, если не считать не улыбчивой женщины средних лет с крупными чертами лица. Дёрнув ещё раз руками и попытавшись оторваться от подушки, упала в изнеможении. Болело всё, но больше всего беспокоила боль в почках. Холодящая, ноющая, выматывающая и без того хлипкие силы.

– Что со мной случилось? – снова просила по-русски.

Женщина не ответила, только по голове погладила и обернулась на звук открывшейся двери. Я тоже.

На пороге стоял Бог. Красивый до слёз, в самой силе – ему лет тридцать пять, в тёмно-синих лёгких штанах и голым торсом. Ещё Сергей Есенин сказал, что всё начинается с взгляда. Его был проникновенным... до самой глубокой точки моего естества. В груди припекло, словно клеймом: я – его. Могла бы смотреть на этого мужчину, не отводя взгляда круглые сутки всю оставшуюся жизнь, касаться его, не отрывая рук и губ. Наваждение, совершенно несвойственное мне. Дикий магнетизм. Его пять шагов от двери до меня казались медленными. Мы смотрели в глаза друг другу.

– Господин... – произнесла почтительно женщина и оставила нас наедине.

Мужчина разглядывал моё лицо с интересом, молча обошёл кровать и остановился в ногах. Откинул простыню, которой я была накрыта по пояс, и я почувствовала, что он отвязывает мои ноги.

– Зачем меня связали? – спросила на турецком.

Бог беззлобно ухмыльнулся.

Я прислушалась к своему телу, ища следы сексуального насилия. Но там, где по логике должно саднить от сухого вторжения, ничего не беспокоило. Да и во рту не было известного привкуса. Меня не тронули.

– Кто вы?

– Энвер Я'мур. – Бог развернулся и направился к двери. Уже когда положил ладонь на ручку, небрежно бросил: – Лучше меня не разочаровывать.

Оставшись одна, я обессиленно закрыла глаза.

Энвер.

О, Боже...

Даже в самые extraordinary моменты он никогда не появлялся на заброшенной фабрике. Хотя, может, смерти невольниц и побег с гнусными жестокими наказаниями лишь для меня нечто extraordinary. А для Энвера такой extraordinary оказалась я. Но почему? Из-за Кемрана? Кто он такой? Почему его интерес ко мне не понравился Энверу? Чем мне это грозит? Почему Кемран вернул меня Энверу?

И, разрази горы камнепад, почему воплотившийся в живого человека ужас оказался настолько привлекательным?! Как может красота внешняя сочетаться с такой чудовищной и бесчеловечной натурой?!

Хотя... Чикатило был примерным семьянином.

Я застонала – жалобно, протяжно, надрывно, выразив в этом душераздирающем выплеске всю боль и страх, что снова скручивали внутренности.

«Лучше меня не разочаровывать» сильно напоминало *«Если будешь делать, что я скажу, и придерживаться нашего соглашения, это будет в твою пользу»*. Вспомнился фильм *«Слуга двух господ»*.

Я снова застонала и услышала, как дверь тихо открывается. Скосила глаза и увидела ту же женщину с подносом в руках. Она отвязала мне руки, помогла присесть и вручила тарелку с кусочками нарезанного отварного мяса и овощами...

Энвера я не видела больше ни разу, где находилась – не знала. Мои вопросы разбивались о молчание Дамлы – женщины, что приносила еду.

Ещё несколько дней мне ставили капельницы и кормили несолёной едой. Врач приезжал каждое утро, осматривал меня, не задавал никаких посторонних вопросов. Впрочем, ответов на мои тоже не давал. Мужчину неизменно сопровождал турок с маленькими хитрыми глазами. Он садился на стул у двери и таращился на меня, как на диковинную зверушку. Скупые

разговоры слушал внимательно, и всё, что писал доктор – рекомендации по питанию и назначение лекарств – читал внимательно и тут же забирал листок. Всё, что узнала – мои почки проявили слабость и не справились с тем наркотиком, что мне вкололи – какой-то солью.

Чем лучше мне становилось физически, тем хуже морально. Когда в один из дней укатили всё, что напоминало медоборудование, я поняла – теперь «лучше не разочаровывать» и «придерживаться соглашения».

Я слонялась по комнате в беспокойном предчувствии – накануне вечером Дамла принесла мне комплект кружевного тёмно-синего белья и белое в матросскую полоску платье прямого покроя. Женщина ничего не сказала, просто положила вещи и ушла. Всю ночь я не могла спать, в голову лезли мысли одна безрадостнее другой.

Еще до восхода я села на постели и тоскливо оглядела тонувшую в предрассветном полумраке комнату, заменившую мне клетку номер двадцать семь, с живописным видом на расщелину с небольшим водопадом и узкую ленту голубой речушки. Красота невероятная! Высота тоже. Никаких простыней не хватит, чтобы спуститься. Штор на окнах не было, яркое солнце освещало квадратную комнату и будило очень рано. Мебели тоже мне досталось минимум: узкая кровать, правда, с ортопедическим матрасом, кресло у почти пустого книжного шкафа – лишь несколько книг как попало лежали в нём, ещё один плательный – в нём чей-то ношенный халат и несколько маленьких полотенец, круглый столик на крестовине с роликами – катать не хочу, и стул у двери. Ванная и туалет, на радость, прилагались, хотя и там всё было скупо – кусок мыла и полупустая бутылка шампуня.

После клетки всё это – невиданная роскошь. Но мысли о том, чем я заплачу за лечение и этот комфорт, пугали до приступов паники. Ждала, сама не знала чего, кутаясь в лёгкое одеяло и поджав коленки к груди. Трясло от неизвестности и непонимания, во что я вляпалась.

В завтрак с Энвером.

Что я вляпалась в завтрак с кошмаром и соблазном в одном лице, я узнала утром, когда вместо подноса Дамла принесла мне классические туфли на невысоком каблучке.

– Одевайся, господин ждёт в столовой, – сказала женщина и взялась смахивать влажной тряпкой пыль.

А меня будто окатило с ног до головы внутри и снаружи собственной кровью. В голове карусельными лошадками скакали обрывки недодуманных мыслей и ассоциаций: то я вдруг почувствовала себя героиней сказки «Красавица и чудовище», то заволновалась о том, что не представляю, как и о чём говорить с хозяином, то вскинулось возмущение на «господин»... Взять себя в руки никак не получалось. Все четыре конечности тряслись, это выводило из себя. Ползти на полусогнутых побитой собакой к хозяину я не собиралась, но вся эта решимость дальше сознания не распространялась и над телом власти не имела. Хотелось побить саму себя, отхлестать по рукам и ногам, чтобы не подводили, как в бульварном романе.

С трудом справившись с платьем, расчесалась, оставив волосы распущенными, сунула ноги в туфли и пошла с ожидавшей у двери женщиной.

– Да не бойся ты так, – коснулась она моего локтя, – господин сегодня в хорошем настроении.

– Угу, – пробурчала в ответ и поджала губы, стараясь выровнять дыхание и сердцебиение.

Внутри замок чудовища оказался не так высок, как казалось, глядя из окна, но я на самом деле была заточена в башню. По винтовой лестнице мы спустились на два этажа ниже, прошли по широкому коридору, отделанному белыми панелями, застеленному ковровой дорожкой и украшенному репродукциями картин, светильниками и горшечными растениями. Миновав несколько дверей, снова спустились на два этажа по широкой мраморной лестнице с массивной балюстрадой и низкими ступенями. Она тоже была застлана ковровой дорожкой, и я радовалась, что покрытие глушит звук подкованных металлическими набойками каблучков. Снова

прошли по коридору, повернувшему вправо, и снова спустились на один этаж, на этот раз первый – в панорамные окна холла я видела подъездную дорогу, скульптуры с фонтанами и узкую тенистую аллею.

Всё, что я видела внутри дома, было массивным, добротным, дорогим и утверждало в мысли, что я нахожусь в реальном замке. Моё платье и два джипа у входа казались здесь чем-то чужеродным, предметами из будущего. Войдя в столовую, я уже чувствовала себя принцессой из сказки про Алладина.

Но когда дверь за моей спиной закрылась, и я встретила взгляд прекрасного чудовища, мгновенно вернулась из спасительных фантазий на землю. Снова задрожали успокоившиеся было колени и руки, которые я тут же соединила в замок и впилась ногтем в кожу.

– Проходи за стол, Валентина, – его бархатный низкий голос огладил кожу колючими мурашками.

Я посмотрела на длинный стол. За ним на массивных стульях с подлокотниками и высокими выше головы спинками разместилось бы человек тридцать, но он был накрыт на две персоны – для сидевшего во главе стола чудовища и меня. Я бы рада была оказаться на другом конце, но мне определили место по левую руку.

Прошла вдоль стола и присела на край кресла, боясь его пододвинуть – такое массивное, казалось, невозможно сдвинуть, а если и возможно, то я точно поцарапаю пол. А мне только не хватало этого ко всем прочим долгам.

Энвер как раз о них и завёл разговор.

– Врач сказал, ты достаточно нормально себя чувствуешь, чтобы приступить к работе.

Я не притронулась ни к чему на столе, и к самому столу тоже. Сидела и держалась за кресло, боясь смотреть на божественного мерзавца. Но когда он упомянул работу, на секунду появилась надежда, что речь идёт о данном Кемрану обещании подготовить экскурсию.

– Но я не могу пока, мне нужно самой побывать...

Осеклась, увидев вздёрнутую бровь и весёлую ухмылку.

– Вот этим мы сегодня и займёмся. Ты кое-кому кое-что задолжала, детка, надо отработать долг по высшему разряду. Ешь, – кивнул он на заставленный едой стол и принялся за мезе.

Я взяла вилку и нож и задумчиво ковырнула яичницу с томатами и беконом совершенно без аппетита, краем сознания понимая, что отказываться точно не стоит – неизвестно, что меня ждёт, сил нужно набираться. Месяц в клетке без движения, а потом и болезнь сильно ослабили. Секс, конечно, хорошее упражнение, но разрабатывает явно не те мышцы.

Энвер ел молча, я чувствовала его изучающие взгляды, но старалась не смотреть на него – так было проще не трястись от предчувствия малохорошего и не поддаваться его бешеной подавляющей энергетике. Не смогла совсем забыть о его присутствии, напряжённо думая о том, кому ещё, кроме парня в коляске и этого демона, я задолжала? Память услужливо подкинула образ турка, которому я... сломала горло?

Я выронила вилку и нож, они скользнули со стола и упали мне на платье. Вскочила, стряхивая на пол кусок жирного белка, но уже было поздно – платье я испачкала. Посмотрела со страхом на Энвера – он уничтожал меня взглядом. Молча швырнул свои столовые приборы на стол, рывком встал из-за стола, схватил меня за горло и резко дёрнул на себя...

Глава 4

Непредсказуемое для предсказуемой

Когда глаза оказываются так близко, исчезает все остальное.

Я смотрела в расширившиеся от ярости зрачки Энвера, а в голове все мысли словно вымело ветром. Было страшно. Я уже привыкла бояться. Это стало нормальным состоянием, обязательным и стимулирующим искать выход из постоянного кошмара.

Но я устала. Шарахаюсь от собственных мыслей, вздрагиваю от каждого звука, не могу есть, спать и находиться без движения, будто мои метания по клетке, а потом и комнате, могут что-то изменить.

Как можно бороться с этим чудовищем, всплывшим на ровном месте?

Энвер отпустил так же резко, как и схватил. Отвернулся и вышел, оставив меня в растерянности.

Но длилась она меньше полминуты. Я быстро подошла к двери и выглянула – ни Энвера, ни Дамлы не было видно, скинула туфли и опрометью ринула к выходу из этого логова. Открыла дверь и понеслась по дороге, как подстреленная лань, не замечая, как впииваются в ноги мелкие камешки, как сбиваю кожу о пористый асфальт. Дорога вела под уклон, кипарисы и пальмы проносились мимо с устрашающей скоростью, казалось, задумайся я на секунду, как мне удаётся бежать так быстро, и я запутаюсь в ногах.

Наверное, мой организм устал постоянно вырабатывать адреналин, потому что я быстро устала, закололо бок, и затупила боль в ещё не совсем здоровых почках. Я остановилась отдышаться и тут же сквозь громкую одышку и бой сердца услышала за спиной шелест покрывшек. В три шага оказалась за ближайшим кипарисом и опустилась на колени, не в силах держаться на ногах.

Машина остановилась метрах в пяти ниже того места, где я притаилась. Хлопнула дверца. – Валентина... – раздался голос Энвера. – Найти тебя – дело трёх секунд...

Я задержала дыхание и подняла взгляд – прямо надо мной на тонком изящном алюминиевом фонарном столбе мигала камера.

– Раз... – услышала снова голос своего преследователя уже ближе. – Два... Три... – тёмная тень затмила солнечный свет. – Хочешь поиграть? Давай поиграем, – прозвучало весело, но голос тут же изменился и окатил такой волной холодной ярости, что я вздрогнула, как от удара, которого и ждала. – Пошла в машину!

Он схватил меня под локоть, рывком поднял на ноги и дёрнул за собой к белому джипу. Около него с недоброй ухмылкой стояло двое мужчин. Один открыл заднюю дверцу, и Энвер толкнул меня ему в руки.

– Баха, сядешь с ней, – приказал ему Энвер и устроился впереди.

Турок в светлом костюме втолкнул меня на заднее сиденье. Я отодвинулась от него и наступила на туфли, которые сбросила в столовой.

Машина тронулась вниз по серпантину, и уже через пару минут я увидела, что дорога из райских кущ придворцовой территории превратилась в опасную ленту, огранённую отвесными редко поросшими растительностью скалами – с одной стороны, и бездонным ущельем с голубоватым туманом – с другой. А когда впереди её преградили высокие ворота с вооружёнными турками, поняла, что я бы всё равно далеко не убежала.

Энвер повернулся с ухмылкой на красивом лице:

– Ты так предсказуема, детка...

Он отвернулся, бросив взгляд на моего цербера, и я услышала грубый голос над самым ухом:

– Аф! – Я вскинулась от неожиданности и отпрянула – изо рта турка воняло термоядерной смесью приправ, будто он жрал их столовыми ложками. Мужчина захохотал и скомандовал, бросая мне на колени чёрную маску для сна: – Завязывай глаза, татла⁷.

Внутри вскипела злость – всё предусмотрели, не оставили даже шанса понять, где я! Сжав зубы, я рывками натянула маску и отвернулась к окну, будто могла что-то видеть.

– Дикая и соблазнительная козочка... – услышала я и почувствовала, как по голой ноге под платье скользит чья-то рука. – Энвер, пусть она мне отсосёт дым, трубу рвёт от такой красоты.

Я сжалась, когда рука нагло и беспардонно раздвинула мои ноги, и пальцы полезли под полоску кружева между ними.

– Если не боишься, что откусит – рискни, – хохотнул беззлобно Энвер, а я, воодушевлённая его не совсем согласием, двинула локтем туда, где должен быть похотливый урод.

Но или промазала, или он успел отшатнуться, ожидая от меня чего-то подобного. Все трое заржали, а Энвер повторил:

– Предсказуемая до оскомины.

Слух и обоняние обострились, казалось, до предела. Солёный аромат моря я почувствовала ещё до того, как с меня сорвали маску. Вдохнула полной грудью и поймала пристальный взгляд Энвера. Он посмотрел мне в глаза, чуть прищурившись, отвернулся к волнам, бившимся о пирс, к которому пришвартовалась шикарная трёхпалубная чёрная яхта со спущенными чёрными парусами – Джеку Воробью такая и не снилась. «Чёрная акула» – прочитала я её название.

Вернув взгляд, рабовладелец подошёл очень близко и двумя пальцами приподнял мой подбородок:

– Не знаешь, чья это яхта? – Я отрицательно качнула головой. – Главы муниципалитета Ризе, главного человека в этом городе. Ты ему кое-что не сделала, наташа. А то, что сделала, стоило мне немалых трудов исправить. Ты будешь хорошей девочкой, или я скормлю тебя акулам.

Я оскалилась в хищной улыбке всеми тридцатью двумя зубами. Энвер грубо, схватив меня за локоть, дёрнул к трапу и провёл на вторую палубу.

В шезлонге под зонтом лежал мужчина. Смутное предчувствие царапнуло душу, а под ложечкой засосало – я узнала это тело с татуировкой на груди – окружившую сердце акулу. Когда он повернулся на стук моих каблуков, я чуть не потеряла равновесие, и вовсе не от небольшой качки.

Нам навстречу, одетый лишь в трусы, поднялся Месут – мой постоянный клиент, которому я разбила голову и которого обворовала. Он окинул меня взглядом с головы до ног и прицокнул языком:

– Вах, красивая девушка, а так нехорошо с уважаемым человеком обошлась... – он покачал головой, глядя на меня по-отечески укоризненно, но доброты и прощения в его глазах я не видела.

– Простите, Месут...

– Да я не о себе... – перебил он, поморщившись, и махнул рукой. – Ты, татла, господина Энвера подвела, – он обнял меня за бедро и повёл к шезлонгу, – он уважаемый человек, у него дел много. Он тебе доверие оказал, к таким людям – самым богатым в нашем городе, – поднял он палец вверх, – привозил, а ты... Голову мне разбила, бумажник украла, в дом господина Кемрана забралась. Хорошо, живая осталась... – повторил он слова Толги – моего надзира-

⁷ Разнообразие сладостей в Турции называют одним словом – «татлы»(tatlı), что значит «сладость, сладкий».

теля, и в груди туго шевельнулось холодной скользкой змеей понимание, что Кемран может оказаться хуже этих двух вместе взятых.

– Простите, господин Месут, я... – замолчала.

Что я?

Энвер уже устроился на диванчике, широко расставив ноги в белых хлопковых штанах, и закинул руки на низкую спинку. Он опустил на глаза тёмные очки, и я только по самодовольной полуулыбке понимала, что чудовище наслаждается моим мысленно распятым на кресте видом.

– Слова – вода, – покачал головой Месут, «погладив» море ладонью, – ты делом докажи, что понимаешь вину, уважаемым людям помощи да развлечения. И мы с господином Энвером не обидим и прошлое забудем...

Он выжидающе прищурился, а я не знала, что ответить. Взгляд упал за борт отплывавшей от порта яхты, пробежался по тёмно-бирюзовым волнам, с завидной настойчивостью пробивавшим путь в бетонной оплётке берега, вернулся к уже не улыбавшемуся Энверу. В памяти огненными буквами вспыхнуло «Предсказуемая».

Я посмотрела на Месута и выдержала его колкий взгляд.

– Хор... – горло перехватило – давать добровольное согласие на «развлечения» и «помоги» непонятно в чём было выше моих сил. Клетки меняли очертания, становились одна краше и выгоднее другой, но ясное понимание, что на шее затягивается удавка с ядовитыми шипами, становилось физически ощутимым. Я схватилась за горло и бессильно выдавила: – Хорошо.

Но ничего хорошего быть не могло. Меня привели в небольшую каюту и оставили – «уважаемым господам» нужно было что-то обсудить без моих ушей. Я скинула туфли и залезла с ногами на постель, обняла колени и уткнулась в них лбом. Качалась в такт яхте и тихо скулила, выпуская в окружающее пространство тупившее мозг бессилие и накатывавшее спасительное равнодушие.

Я устала. Всё ещё искала любые возможности сбежать, но... предсказуемые. Энвер просчитывал мои шаги наперёд... или я не первая невольница, которая использовала для побега малейшую возможность.

Эта мысль окатила сердце горячим липким страхом – что с ними стало? А главное – какие возможности они не использовали? Что не сможет просчитать Энвер? Что ему в этом городе может быть неподвластно, если сам глава муниципалитета у него в друзьях? И наверняка в доле.

Я поднялась и заходила по каюте, бездумно открывая ящики стола, дверь в маленькую душевую и биотуалет и сворки встроенного шкафа. Его содержимое меня порадовало: он был полон женских шмоток, даже несколько бикини лежали ещё не распакованные. А на полках оказалось несколько наборов средств для ухода за телом и, неожиданно, книги – какая-то чушь вроде любовных романов Эрики Вербицкой, которые я взяла с собой и которые остались в клетке на заброшенной фабрике – это единственное, что у меня не отобрали.

Я опустилась на кровать и уставилась в одну точку, покрываясь мурашками от внезапной мысли: в романе Эрики героиня стала заложницей пиратов, она тоже была в безвыходном положении, но сумела влюбить в себя главного негодяя... Это же старо, как мир!

В груди всколыхнулась надежда. Энвер красив, как бог, я ненавижу его всей душой, но телу плевать на неё, оно реагирует на физическом уровне. Усмехнулась, снова вспомнив прочитанные романы: фраза «тело предало меня» всегда смешила до колик. Трахаясь с клиентами, я часто испытывала оргазмы, и предательством это не считала – это данность, секс не равно любовь, и её отсутствие не отменяет удовольствие. Месут тоже мужчина приятной наружности, и трах с ним тоже дарил минуты наслаждения.

Чёрт возьми... Чёрт возьми!..

Я сдёрнула платье и бельё, схватила полотенце и гель для душа с персиковым ароматом и бросилась в ванную.

Cherchez la femme, чудовища!

Когда за мной пришёл Энвер – в одних трусах – я уже переоделась в бикини сливочно-розового цвета и парео, а волосы собрала в высокий хвост и завязала узлом – хватит ненадолго, но оно и не нужно, женщина с длинными распущенными волосами выглядит сексуальнее. Хотя меньше всего мне хотелось соблазнять этих двух мерзавцев в мужском обличье, но мне было необходимо притупить их длительность, и я собиралась быть «хорошей» девочкой.

Энвер, окинув меня долгим взглядом, усмехнулся:

– Надо же, удивила. Трахать тебя никто не собирался, но если ты так хочешь...

Я потеряла дар речи, а с трудом натянутая полуулыбка, призванная сделать меня загадочной, стекла с лица, как капля масла по стеклу – медленно, оставляя после себя мутное отражение напускного спокойствия. Задрожали от ярости руки, сорвался голос, когда я, сжав кулаки, бросилась на Энвера с нечеловеческим не то воплем, не то рычанием.

Мерзавец шагнул мне навстречу, ногой захлопнув дверь, и перехватил мои запястья. Он улыбался катастрофически обаятельно и сексуально, его глаза полыхали желанием. Я буквально уловила запах исходивших от него феромонов и увидела, что он раскрытыми ноздрями ловит и мой. Воздух между нами трещал и голубел статическими разрядами двух наэлектризованных эмоциями тел. И эти эмоции были живыми, настоящими, свежими, как черноморский бриз, они ни капли не походили на болотную похоть клиентов, оставлявшую на теле и в душе мерзкую слизь принудительного соития.

С Энвером всё было иначе. Или я так настроила себя на секс с удовольствием с этими гадами, то ли «тело предало меня», но я выгнулась в его руках, прижавшись к голому торсу мужчины, и впилась в его губы злым поцелуем. Он ответил мне, перехватив и прижав к себе за талию и затылок. Мы не целовались, а убивали друг друга, рвали укусами, состязались языками, как на шпагах, и не могли остановиться. Этот бой продолжался до изнеможения, до почти вывихнутых челюстей и распухших губ, до усталости мышц и последнего бара⁸ воздуха в лёгких. В этой битве не было победителей и побеждённых, и её жизненно необходимо было продолжить. Я или он – сейчас решалось всё.

Энвер отпустил меня лишь на мгновение – чтобы одним резким движением содрать с меня бикини и парео. Я вернула долг – рывком спустила с него плавки, присев на колени, и толкнула его на кровать. Упав навзничь со спутанными ногами, он быстро избавился от сковывавшей его одежды и дёрнул меня за руку на себя. Я упала в сильные до хруста рёбер объятия и тут же стиснула бёдра Энвера между ног.

Глаза в глаза. Не разобрать, в чьих дикое пламя, в чьих – катализатор атомного взрыва. Время остановилось, когда мы замерли, изучая лица друг друга, и прыжком сорвалось с космической скоростью, когда Энвер, наказывая, насадил меня на себя яростно, как ведьму на кол.

Всё смешалось и завертелось в вангоговском импрессионизме звёздной ночи, всё потеряло чёткие очертания, кроме Энвера. Его красивые ясные глаза вспыхивали жаром и обжигали жаждой наслаждения, они – глубокое Чёрное море, живое, древнее и беспощадное. Я тонула в них, захлёбывалась, но рвалась на поверхность, безумно желая одержать верх, покорить стихию, умирить, приручить, понежиться в ласковом прибое.

Но нас беспощадно штормило, окатывало солёным потом и закручивало в немыслимые морские узлы дерзких поз под рок-музыку сорванного дыхания, мощных и быстрых ударов сердец и тел, рваных всхлипов и заглушенных убийственными поцелуями стонов.

Шторм набирал силу, а собственные уже оставляли. Но желание сдаться возникает, когда победа уже близка и осталось сделать лишь последний рывок. Жар необузданной страсти про-

⁸ Бар – единица измерения воздуха.

сочился под кожу и резво покатился адским огнём к налившейся плоти, как ртутные струйки. Мы пульсировали, боролись до последнего: он – разжимая меня, а – стискивая его в тугом кольце мышц. Это был последний раунд, невидимый судья уже готов был считать до десяти и дать финальный свисток.

И я уже почти сдалась, сдерживая свой девятый вал, когда не выдержал Энвер. Его оргазм был сокрушительным цунами, ревел утробно и яростно, признавая проигрыш, и щедро вливал своё поражение в чашу моего терпения.

И лишь когда он затих, я вцепилась в его ягодички и прижала к себе до глубокого погружения на самое дно, качаясь на волнах утомлённого Чёрного моря его глаз, наслаждаясь победой, озвученной протяжным сладким стоном превосходства...

Энвер рухнул на меня, едва отзвучали последние аккорды моего оргазма. Его губы ткнулись в основание шеи, и это прикосновение ощущалось благодарным поцелуем, интимным и нежным. Но я не питала иллюзий. И была права – мой лучший клиент встал на дрожащие ноги и утёр со лба заливавший глаза пот. Молча надел трусы и ушёл, не сказав ни слова. Но уже то, что он оставил меня, а не выволок на потеху Месуту, говорило гораздо больше любых слов – было в этом чудовище что-то человеческое. Где-то очень глубоко, что и в батискафе не достичь, но точно было.

Я зверски устала яриться и трахаться, вымоталась морально и физически. Не осталось даже сил пойти в душ. Закрыла глаза и расслабила каждую клеточку тела от кончиков пальцев ног до кончиков волос, как учили на занятиях йоги. Спать сейчас – роскошь, а бессонная ночь и сплошные волнения подкосили душевные силы.

Пятнадцать минут релакса наполнили энергией, пусть недостаточно, но прожить этот день до вечера я надежду питала. Села на кровати и бросила взгляд на разодранные, будто когтистой лапой льва, бикини и парео. Мысли тут же унеслись в воспоминания недавнего секса.

Энвер оказался просто невероятным любовником, но забыть, что этот божественный красавец еще и моральный урод, я не могла... Но и взрывной секс с ним – тоже. Самое страшное и неприятное, что я хотела его повторить. Так остро чувствовать мне ещё не доводилось, казалось, каждая клеточка тела возбуждалась и получала наслаждение, слившееся в один взрыв сверхновой.

Я нехотя отодвинула все эти мысли на дальний план. У меня цель – завладеть телефоном и позвонить отцу. А для этого надо расслабить мужчин, быть послушной и казаться покорившейся обстоятельствам. В конце концов, что страшного со мной сделают? Трахнут вдвоём? Будто за время рабства этого не было. Главное – дать знать, что со мной случилась беда, чтобы папа вызволил меня.

Энвер полулежал на низком белом диване у бассейна и держал в руке высокий запотевший стакан с каким-то коктейлем. Его загорелое скульптурное тело даже в расслабленном состоянии радовало взгляд кубиками пресса, хотя он не был раскаченным до отвращения. Его сытый ленивый взгляд скользил по мне, пробираясь под новый наряд – белое бикини, на этот раз не прикрытое газовым лоскутом.

– Садись, красивая, – похлопал рядом с собой Месут, и я опустилась на диван напротив своего чудовища.

От мысли, что это чудовище – «моё», захотелось заскулить – я уже воспринимала себя невольницей, хотя пока сознание ещё и сопротивлялось, а в душе мгновенно закипал на время притихший вулкан. Я вообще стала неуравновешенной. Никогда не бросалась на людей, а сейчас – запросто, я будто теряла страх и разум, неслась куда-то, совершенно не думая ни о чём, лишь бы почувствовать, что короткая невольничья цепь оборвалась.

– Кушай, детка, – глава муниципалитета широким жестом обвёл низкий, заставленный едой стол. – Не стесняйся... – Он потянул завязку на шее, и два белых треугольничка упали

на мой живот, обнажив грудь. – Вах, татла, вах-х... – протянул, покачав головой, приподнял мою грудь, припал к соску и втянул его в рот.

Я смотрела на Энвера. Он смотрел мне в глаза, то и дело роняя взгляд на свободную грудь и своего... друга? Партнёра? Покровителя? Когда Месут дёрнул завязку на трусиках и сунул руку между моих ног, раздвигая их и нащупывая пальцем чувствительный узелок, Энвер сел и, сделав большой глоток напитка, зажал губами кусок льда.

– Вах, хороша, как хороша... – стонал Месут, растирая меня между ног.

А я краем зрения видела на столе два сотовых и с трудом держалась, чтобы не посмотреть на них прямо и не выдать, что у меня на уме. «Предсказуемая...» – вспыхивало неоновыми огнями.

Что бы сделали другие девушки на моём месте?

Месут, наконец, отлип от моей груди и даже отодвинулся на полтела. Я хотела завязать бикини, но он отвёл мою руку и покачал головой.

– Ешь, пей, красавица, – снова предложил и повернулся к Энверу. – Такое тело прятать – великий грех, правда, дорогой друг?

– Выпьем за тело, – поднял стакан с остатками напитка черноглазый бог, почти осязаемо огладив это самое тело жарким взглядом.

– И наше дело, – добавил Месут и впился в моё лицо пристальным взглядом, от которого показалось, что лёд из его бокала с крепким напитком высыпался на меня и мгновенно с ног до головы стянул кожу мурашками.

Я потянулась за куском баранины, стараясь совладать с собой. Ощущение, что я заперта в комфортной клетке с двумя бешеными голодными хищниками, которые соскучились по жестокой охоте и теперь играют со мной, перед тем как растерзать, завладело всем моим существом. Мгновенно пронеслись мысли – почему я одна на яхте? Разве «уважаемые господа» на отдыхе не окружили бы себя несколькими девушками, чтобы насладиться развратом сполна? Или это моё личное наказание за удар по голове?

Я не понимала, что происходит, но тошнотворный запах смертельной опасности сжал внутренности. Я как-то вдруг сразу заметила, что и Энвер не был расслабленным, хотя именно так и выглядело со стороны. Лишь Месут был полноправным хозяином положения. Моего и, как я убедила себя, Энвера.

Возможно, мне просто хотелось верить, что мы здесь почти на равных, но наши взгляды сталкивались на Месуте так часто и высекали такие искры недоверия и напряжения, что я начинала понимать – не Энвер здесь главное зло. А значит, надо выбирать наименьшее.

Глава 5

День клонился к вечеру. Мужчины оставили меня одну надолго, но телефоны забрали с собой. Я завязала бикини, наелась и осмелилась поплавать в бассейне. Ни Энвера, ни Месута всё не было. Бродить по яхте было страшно неудобно и неудобно страшно. Когда яркость дня приглушилась, с моря подул усилившийся ветер. А уже скоро небо заволокли кудлатые тучи. Сразу потемнело и посвежело настолько, что я замёрзла.

Посматривала в ту сторону, куда ушли мужчины, и возвращала взгляд на стол – руки чесались всё унести под крышу, и это злило – не хватало ещё мне заботиться об этом! Когда на яхту стеной всё же обрушился мелкий дождь, я быстро покидала в тарелку разной еды и налила в стакан коньяка.

Дорогу до своей каюты преодолела за считанные минуты, всё время боясь, что встречу Энвера или Месута. Но мне повезло. Надев на голое тело чужой махровый халат почти до пят, я почти залпом выпила коньяк и сразу вымыла стакан, чувствуя себя воровкой: сказывалась вина перед хозяином «Чёрной акулы» за украденный бумажник или я уже привыкла быть невольницей – всё равно, но это ощущение без вины виноватой выводило из равновесия. Отменный напиток с привкусом орехов и шоколада согрел изнутри. Я подбила под спину подушку, укутала ноги одеялом, взяла в руки большое блюдо и принялась есть всё без разбора: баранину заедала грушей, сыр – виноградом и снова мясом, нарезанные овощи и зелень – сырокопчёной колбасой, манго заедала креветками... Казалось, я никогда не наемся.

А когда еда закончилась, склонило в сон. Я забилась в угол кровати и прислонила голову к стене. Так и задремала...

– Татла... – услышала сквозь сон. – Вах, закуталась...

Это «вах» мгновенно привело меня в чувство, сон слетел, будто его и не было. Я смотрела на уже голого хорошо поддатого Месута широко раскрытыми глазами – так крепко спала, что не слышала, как он вошёл и разделся.

– Иди под меня, татла...

Он стянул с меня одеяло и потянул за пояс халата. Я не помогала и не сопротивлялась, послушно спустилась ниже и легла. Если бы можно было просто развести ноги и лежать... Месут был из тех клиентов, кто умел завести и доставить удовольствие, но сегодня я увидела его другим – жёстким и опасным, и уже трудно было забыть это впечатление и развлечь его как прежде – с огоньком.

А для него, похоже, ничего не изменилось. Он, как и всегда сначала, усевшись на постели на колени, дёрнул меня на себя и загнул кверху попой свечкой так, что я упёрлась ступнями в стену за головой. Уже привычно его язык раздвинул нежные складочки моей плоти и облизал клитор, забил по нему кончиком, заставляя моё тело рефлексивно вздрагивать и возбуждаться.

Сегодня Месут был особенно усерден, видимо, потому что пьян. Он тыкался мне между лопаток твёрдым членом, потирался головкой по позвоночнику и стонал, будто уже кончал – ему очень нравилось лизать меня, он делал это с упоением, иногда зажимуриваясь от удовольствия.

Я уже чувствовала это щекочущее приятное ощущение от его ненасытных ласк, а он, чувствуя, что плоть уже налилась, вошёл во вкус и трахал меня языком, жадно облизывая вход и проталкивая язык внутрь лона. Я задвигалась навстречу, застонав от предвкушения оргазма, задрожала и протяжно застонала, пульсируя у него во рту.

– Вах, татла... ах, татла... – довольный собой, прошептал Месут и вылизал меня досуха. – Иди сюда, красивая... – отпустил меня, давая лечь, и навис надо мной, потираясь членом между разведённых ног.

Это тоже было привычно, всё происходило, как всегда. Он мастурбировал на меня, потирая головкой о клитор и лаская его пальцем. Ему важно было, чтобы я кончила несколько раз – Месут будто самоутверждался, словно кого-то он удовлетворить не мог. Я привычно ласкала свою грудь, не отпуская его похотливый, подернутый дымкой желания взгляд, облизывала свои соски и двигалась ему навстречу.

Уже скоро мной снова владело возбуждение, но оно властвовало над телом, а сознанием я смотрела на мужчину широко распахнутыми глазами и искала в нём ответ на вопрос – зачем я здесь на самом деле? Он хочет трахать меня долго? Пусть. Надеюсь лишь на то, что меня, когда вдоволь натрахаются, не вышвырнут в море на корм акулам, как обещал Энвер. Трудно было расслабиться, я чувствовала себя механической куклой, включенной на нужный хозяину режим.

– Ах...ах... – застонал Месут, отвлекая меня от нерадостных и несвоевременных мыслей. – Трахни меня, татла...

Это часть наших встреч мне всегда нравилась больше всего. Он привычно сел на пол, задрав голову на постель, а я села ему на лицо с широко разведёнными ногами и задвигалась в том ритме, как нравилось мне, прижимая его голову к своей промежности.

Месут любил грязный, отвязный и развратный до беспредела секс. Предсказуемый...

Он терзал в кулаке член и послушно делал всё, что я хотела. И именно сегодня у меня будто сорвало стоп-кран. Хотелось отыгаться на нём за свой страх и пугающую неизвестность, унижить его, опустить ниже себя, заставить почувствовать подневольным.

– Хочешь меня? – спросила зло, прищурившись и раздвигая складки, чтобы кончик его языка плотнее ласкал клитор. – Хочешь, грязная собака? – я села плотнее и, не отрываясь от его лица, поелозила по его рту, с удовлетворением слыша мычание, пощекотавшее меня изнутри, и проникший в лоно язык. – Я буду мучить тебя долго, пока ты не запросишь пощады, пёс.

Я приподнялась. Давая ему вдохнуть, и услышала восторженное:

– Вах, татла... такая горячая... ах-ах...

Я и горела. Полыхала адским огнём ненависти, щедро питавшимся моим страхом. Схватила бикини и скомандовала, вставая:

– Руки!

Месут сжал кулаки и послушно протянул мне их, сложив запястья вместе, смотрел на меня с обожанием в заблестевших глазах. Я связала его и оторвала вязку от второй части купальника, присела перед мужчиной и перетянула член у основания, чтобы не мог кончить, обняла его ладошкой проверить – он налился ещё больше. Раскатала на нём презерватив, лежавший на столе – Месут всегда клал его рядом перед началом оргий.

В голове что-то переключилось, воображение рисовало самые непристойные позы и слова. Подстёгнутая восторгом «уважаемого господина», я принялась его насиловать и хлестать по лицу, если мне не нравилось, как он ласкает меня языком.

Это длилось, казалось, долго, я снова кончила и уже устала. Запал иссяк, пыл пропал. Сознанием снова овладел страх. Нужно было всё же удовлетворить клиента.

Я встала на карачки – сил видеть исхлестанную красною физиономию турка уже не было – и приказала:

– Трахни меня.

И через несколько секунд почувствовала, как в меня ворвался каменный член. Руки Месута всё ещё были связаны, он перекинул их через мою голову и потянул на себя за шею. Он ещё никогда не трахал меня так яростно, сочно ударяясь бёдрами о ягодицы и бесконечно протяжно ахая от удовольствия. Крепко запахло мужским потом. Повернув голову, через плечо я увидела, как наливается кровью лицо «господина». Потянула за вязку, освобождая его руки, и тут же почувствовала их на своей талии.

Месут будто озверел, вколачивался в меня с такой силой, что кровать, на которую я навалилась грудью, ритмично и быстро стучала о стену. Дотянулась до низа живота и потянула ещё одну вязку, освобождая член.

«Уважаемый господин» захлебнулся собственными охами, стонами, вскриками и вздохами. Ему хватило полминуты – и он затрясся всем телом, кончая с таким криком, будто ему очень больно.

Я, положив голову на постель, ждала, когда он отпустит меня. Но Месут, кончив, развернул меня к себе лицом и, сняв презерватив, возбуждённо схватил меня за подбородок и ткнул член мне в рот:

– Грязная собака трахнет тебя ещё, татла.

В этот раз его глаза горели злостью, и взгляд не предвещал мне ничего приятного...

Я рыгала уже час. Всё, чем набивала желудок, утонуло в биотуалете, до которого я едва успевала добраться, а потому обессиленно скатилась по стене на пол размазанной каплей. Чуть не задохнулась, когда этот пьяный урод, наконец, кончил мне в горло, глубоко и отвратительно. Он отыгрался на полную катушку и за «грязную собаку», и за всё прочее. В какой момент я перегнула палку? Ведь видела, что ему всё нравилось... сначала. А потом он отымел меня во все дыхательные и пихательные жёстко и безжалостно, ничуть не заботясь о том, что мог просто задушить, порвать... Хотя я же невольница, со мной можно и не так...

Лицо и тело до сих пор горели от его шлепков. Этот урод просто озверел от того, что не мог долго кончить, и посчитал виновной меня, что перетянула ему член, а не то, что перебрал с коньяком. Но моя вина тоже в этом была – перевозбуждение обеспечила ему сама.

Великое Чёрное море! Чем я провинилась в этой жизни и перед кем?! За что мне всё это?!

Спазмы в желудке никак не успокаивались, уже даже пены желудочного сока и желчи не было. Драла горло насухую, сглатывая рыдания, и снова выворачивалась наизнанку от омерзительного привкуса спермы, который, казалось, вёлся в меня навсегда.

Когда, наконец, добралась до кровати, свернулась калачиком, задерживая дыхание, и закрыла глаза. Жить не хотелось. Пусть меня скормят акулам – уже всё равно...

Энвер явился, когда уже опустилась ночь. Я не спала, металась в забытьи, снова и снова переживая этот кошмар. Когда мой господин открыл дверь, я сжалась – неужели всё начнётся заново? Им с хозяином этой великолепной яхты стало одиноко и захотелось утех? Я же татла – сладка и белая... как тахинная⁹ халва.

– Вставай, – приказал и бросил мне в ноги какой-то свёрток. – Надевай и выходи на корму, на нижнюю палубу. Пятнадцать минут.

Он вышел, а я столкнула ногой свёрток и зарылась лицом в подушку. Смотреть, что принёс этот ублюдок, не хотелось. Костюм зайчика с голой задницей? Или красной шапочки? Хотя откуда им тут о ней знать... Массовики-затейники...

Отодрала себя от кровати с трудом, будто выросла в неё, и чуть не упала, когда потянулась за большим свёртком. Он развернулся, и в руках у меня оказался чёрный полукомбинезон и куртка из парусины со светоотражающими полосками и тёмная байковая рубашка с длинными рукавами. Я смотрела на них и не верила своим глазам – впервые, если не вспоминать украденные джинсы, на мне будет закрытая одежда!

Я немного оживилась – желудок болел, слабость подкашивала ноги, но эти тряпки вдруг вселили надежду, что кошмар не повторится. Натянула своё бельё и эту робу. Грубые швы касались раздражённой кожи на бёдрах, но рубашка хотя бы защищала спину.

⁹ Тахинная *халва* состоит из семечек кунжута.

Попила воды, чувствуя, как неприятно она катится по саднившему пищеводу в измученный желудок, и вышла из комнаты.

Дождь давно кончился, «Чёрная акула» качалась на волнах в своей стихии. Я шла, держась за стены, в другую от бассейна сторону, спустилась, едва не скатившись с лестницы, на нижнюю палубу. Внешние огни все были погашены. Не корабль – призрак, совершенно невидимый на чёрной воде тёмной ночью с затянутым бородами тучами небом. Ни Луны, ни звезды. Лишь вдалеке тонкой нитью огни Ризе... Или нет? Я понятия не имела, куда мы плыли, зачем, и когда этот комфортабельный капкан выпустит меня из своих железных лап...

Но, как выяснилось, если чего-то очень хотеть, желания исполняются.

Я подошла как раз в тот момент, когда расчехлили небольшую моторную лодку – чёрную, без единой надписи. Пока её спускали на воду, стояла, обнимая себя руками, и ёжилась, остатками души желая забиться куда-нибудь в трюм или под такелаж, лишь бы не попадаться на глаза Месуту. Я стала его панически бояться, до полного умопомрачения и животного инстинкта бежать со всех ног...

Было бы куда.

Когда он повернулся ко мне, я готова была провалиться в ад или в чёрную бездну моря, заметалась по палубе взглядом, а потом и всем телом... стоя на месте, словно выросла в тиковые доски.

– Татла... – широко заулыбался он, а я не могла поднять взгляд, тряслась, не помня себя. – Замёрзла? – приобнял за плечи «участливо», неверно истолковав мою крупную дрожь. – Вах, хороша ты, но... вину надо искупить. Ты не откажешь уважаемому господину в просьбе, красавица?..

Я конвульсивно дёрнула головой, но этому ублюдку моё согласие не нужно было ни два часа назад, ни тем более теперь.

– ...Вот и хорошо, – довольно похлопал он меня по спине, и я еле устояла на ногах, когда подтолкнул вперёд. – Иди в лодку, татла, глубокое чёрное море ждёт тебя. – Он провёл меня, подталкивая в спину, к опущенной площадке мимо Энвера и обратился к нему: – И ты, дорогой, плыви, проследи, чтобы всё нормально было.

– Мы не так договаривались, Месут. Это не моя сфера, ты знаешь.

– Но девка-то твоя? Не можешь даже за шлюхами уследить? Так мы тоже не договаривались. А может, ты кое о чём забыл, дорогой?

– Это уже не моя девка. Я продал её.

– С сыном я сам разберусь, а ты, дорогой, за бардак ответ должен держать. Иди в лодку, дорогой, иди. Всё будет хорошо, это я обещаю.

Я слышала, как Месут похлопал Энвера по кожаной куртке, а в следующую секунду получила грубый тычок в спину и чуть не рухнула в катерок.

В него что-то грузили в чёрных полиэтиленовых мешках. Рядом с мотором сел незнакомый парень на вид не старше меня. Но лучше бы его не было. От его взгляда становилось очень неудобно. Хотя ночь, неизвестность, жуткая компания и непонятный груз не располагали к тёплой атмосфере. Энвер шагнул в лодку следом за мной, и уже когда незнакомец отталкивался от площадки, я услышала проникновенные слова Месута:

– О Аллах, Ты далек от всех недостатков, и я восхваляю Тебя. О Аллах, прости их, помилуй и защити. Будь щедр к ним. Очисти их от прегрешений, подобно очищению белоснежной одежды от грязи. Дай им взамен обитель и окружение лучшее, чем было...¹⁰

Дальше я не слышала – урчание мотора и тихий шелест поднимаемой платформы-борта яхты заглушило голос грязной собаки...

¹⁰ Погребальная молитва (Джаназа-намаз)

Мы быстро отплывали, плеск волн о борта небольшой лодки заглушал мягкий урчащий звук её мотора. Сидела на скамье спиной к цели движения и смотрела, как, отдаваясь, сливается с ночью «Чёрная акула». Энвер сидел рядом, добавляя тревоги – я чувствовала его напряжённое тело, хотя выглядел он уверенным и даже расслабленным. А незнакомого парня, казалось, вообще не беспокоит ничего, да и вёл лодку он уверенно и без навигаторов, что становилось понятно – не первый раз. Я от нечего делать монотонно считала про себя секунды. На пятнадцатой минуте сбилась, но увидела вдалеке сбоку очертания гор на фоне неба, освещённого вышедшей из-за туч Луной.

Нас уже ждали. Большой тёмный катер без названия и опознавательных знаков, как и наша моторка, с тремя явно мужчинами на борту, колыбался на волнах в тени отвесного берега. Незнакомцам, и без того недружелюбным на вид, камуфляжная форма, подпоясанная портупоями, простоты не добавляла. Мы молча подплыли, и с катера к нам перекинули импровизированный трап – три сколоченные вместе доски. Один из чужаков спустился к нам на борт, окинул меня с ног до головы заинтересованным взглядом:

– Русская... – не то спросил, не то одобрительно пробасил грубым голосом по-русски и схватил меня за подбородок. – Хороша.

Я дёрнулась, высвобождаясь, и обхватила себя плотнее руками. В темноте трудно было разобрать лица остальных, но что этот – не турок, стало понятно сразу. Абхазец – вероятнее всего. А я – в центре кошмара. О плотном наркотрафике из Турции в Россию через Абхазию не слышал только инопланетянин, а я лицеизрела то, за что в живых не оставляют.

Наш кормчий и этот пришелец начали передавать мешки двум другим на катере. Меня словно выключило, смотрела на всё это, как 3D-криминальное кино на большом экране с полным эффектом присутствия. Видела, как Энвер уловил момент и вытащил у нашего спутника из-за пояса пистолет. Даже позавидовала немного – этот сможет за себя постоять, а вот я... расходный материал. И привезли меня сюда только для одного – передать из рук в руки новым хозяевам. И что ждёт меня у них – совершенно предсказуемо.

Последний мешок перекочевал в катер. Абхазец повернулся ко мне:

– Вставай, красавица, – дёрнул меня за руку и буквально швырнул на мостик между лодками. Я боялась шагнуть на этот портал в беспросветное будущее, но меня никто не спрашивал. – Живее! И ты, – обратился он к кому-то, – давай за ней.

Меня кто-то сильно толкнул, буквально сметая с досок в чёрное море. Я заорала и ушла с головой под воду, сквозь толщу воды услышала хлопки и не смогла увернуться от кого-то, упавшего сверху. Загребла отчаянно, выпутываясь из-под чьего-то безвольного тела, борясь с желанием вдохнуть. Ещё двое упали в воду, снова погребая меня под собой, когда я уже почти вынырнула. Хотелось орать от страха, я не понимала, что произошло, но всё это крутилось на заднем плане. В глазах темнело, лёгкие жгло, в висках пульсировал ужас. Я замерла на секунду, потеряв ориентацию в тёмной воде, и рванула к поверхности, когда она вдруг забурилась – лодка или катер отплывали, слышно было звук мотора. Вынырнув, схватилась за ручки на борту – это была лодка, на которой мы приплыли. Шумно вдохнув и откашлявшись, попробовала забраться на плававший рядом мостик, но сил не осталось. И лишь мысль, что в воде могут быть акулы, придала мне их, и я с рвущим горло криком подтянулась и с трудом забралась в лодку.

В ней лежал навзничь Энвер. В его левом боку торчал нож, и левое же плечо было, видимо, прострелено – кожаная куртка вся залита липкой кровью.

Мне понадобилось несколько минут, чтобы отдышаться. Я не знала, что делать дальше. Хотела свободы? Вот она, черпай пригоршнями! Плыви, куда душа пожелает!

Куда? Я совершенно не ориентировалась. Цеплялась за борта покачивавшейся на волнах лодки, сидя на коленях рядом с телом своего чудовища. Над головой – бездна беззвездного пасмурного неба. Под днищем судёнышка – километры чёрной бездны, кишевшей недруже-

любной жизнью. Вокруг – ничего. Только плеск волн о борта и дорисованные воображением акулы где-то очень близко – наверняка мёртвая плоть утонувших наркодилеров щедро наследила кровью, ведь те хлопки – это были выстрелы.

Надо выкинуть из лодки тело, дожить до утра и осмотреться.

Я потянулась и взялась за нож в боку мужчины... и заорала, едва ли заглушая криком бешеные удары сердца – Энвер застонал и пошевелился. Я замерла, не зная, что делать. Утопить его – самый верный вариант. Он меня не пожалел и не пожалеет, а для меня это шанс избавиться от него – море проглотит это молча...

А я?

Энвер снова застонал и открыл глаза. Потянулся в карман, сцепив зубы и рыча от боли, достал телефон и протянул мне:

– Кнопка один... вызов...

Я взяла телефон:

– Зачем мне делать это?! – крикнула, и он поморщился. – Чтобы твои дружки спасли тебя и снова продавали меня? Лучше бы ты сдох! Ненавижу тебя! Ненавижу!

Я кулаком ударила Энвера по ноге со всей силы, он вскрикнул и обмяк, уронив телефон. Из моих глаз брызнули слёзы, я захлебнулась рыданиями, истерика накрыла разум, подпитываясь паникой и пониманием:

– Я не убийца... не убийца... не убийца...

Взяла слабой трясущейся рукой телефон и нажала «1» и вызов. После второго гудка услышала голос Толги:

– Да, брат.

– Это я... Валя...

– Откуда у тебя телефон Энвера? Что с ним?! – чуть не орал мой недавний надзиратель.

– В него стреляли, – всхлипывала я, давась словами и понимая – я снова возвращаюсь в неволю. – У него нож в левом боку и плечо прострелено.

– Кто стрелял? Месут?

– Нет, он отправил нас на моторной лодке с каким-то парнем в море, мы передавали наркотики, – я всеми силами старалась держать истерику в узде, но вздрагивала от каждого всплеска воды и нервно оглядывалась – мерещилось, что вокруг кто-то плавает, а лодка казалась бумажным корабликом, который вот-вот промокнет и пойдёт ко дну. Я снова разревелась. – Он умрёт! – крикнула и завизжала, когда совсем рядом что-то всплеснулось и ударилось о воду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.